

The background is a vibrant, stylized illustration. It depicts a town with several houses, each with a prominent red roof and light-colored walls. The houses are clustered together, creating a sense of a neighborhood. In the sky, there are several balloons in various colors: a large red one at the top left, a smaller red one to its left, a blue one at the top right, and a purple one on the right side. A purple bird is also flying in the sky. The overall style is whimsical and artistic, with bold colors and simple lines.

Людмила Романова

**ВЕСЕННИЕ
МЕЛОДИИ ДЛЯ
ОСЕННИХ СКРИПОК**

Первая и вторая части романа.
Рассказы об иностранцах

Людмила Романова

**Весенние мелодии для осенних
скрипок. Первая и вторая части
романа. Рассказы об иностранцах**

«Издательские решения»

Романова Л.

Весенние мелодии для осенних скрипок. Первая и вторая части романа. Рассказы об иностранцах / Л. Романова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901121-3

Роман охватывает 50 лет жизни героев. Русская девочка увидела фильм «Песня о цветах» и влюбилась во Францию. В те шестидесятые поездка во Францию была невыполнимой мечтой. Но, все меняется. И Лариса, познакомившись с французскими туристами, через 20 лет едет к ним в гости. Там с ней случается много интересных событий. Ведь жизнь во Франции, менталитет людей и их традиции, как и возможности — это другое измерение. Франция страна романтики и любви, и, конечно, герои романа попадают в ее сети.

ISBN 978-5-44-901121-3

© Романова Л.
© Издательские решения

Содержание

Весенние мелодии	6
Часть первая.	7
Аэропорт	7
А вес то я и не заметила!	7
Выход из положения	8
Да не оскудеет рука дающего	9
Внутренний голос	10
Не бойся взлета	10
Девочка-Осень	11
Кумир	11
Песня о цветах	12
Бабочки в животе	14
А тете Ньюше все равно	15
Маленькая тайна или волшебная дверь	15
Волшебная палочка феи	16
Вещий сон	16
Иностранцы и русский хлеб	17
Аня	19
Все по порядку	21
Незванные гости	22
Сплошное удивление	25
Танцы в концлагере	26
Пятерка таксисту	28
Галстук ядовито-зеленого цвета	28
Роковая ошибка	29
Ранний визит	30
Вареники и кавиар	31
Красная икра	33
Ах, вот он кто Антон – Арно	34
Круглая дата	36
Новый год 1980	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Весенние мелодии для осенних скрипок Первая и вторая части романа. Рассказы об иностранцах

Людмила Романова

Иллюстратор Светлана Викторовна Ягодич

© Людмила Романова, 2017

© Светлана Викторовна Ягодич, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-1121-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весенние мелодии для осенних скрипок

Эту книгу я посвящаю своим французским друзьям. Семье Бенца

Часть первая. ВСПОМНИТЬ ВСЕ

Аэропорт

Лариса очень боялась летать. Особенно, она боялась взлета! При воспоминании о нем, душа ее падала в невесомость, а в голове сразу начиналась паника!

Вот и сейчас, с тоскливыми мыслями в душе, она в сопровождении дочки, ехала в Шереметьево. Взлет приближался и был неотвратим! Поэтому, по мере приближения к аэропорту, мандраж во всем ее организме стремительно нарастал.

– А может, наплевать на все эти билеты, и удрать назад, домой? – подумала она, так как состояние ее начинало быть вызывающе неприятным!

Она вспомнила свой милый диван, телевизор, чашку чая с конфетой... и эта картина о привычном и приятном времяпровождении чуть не решила продолжение ее поездки. Лариса уже готова была бежать с «поля боя»! И, если бы, в тот момент она нашла единомышленника, то... адыо ¹Париж!

Да, она должна была лететь, во Францию, в страну ее мечты, в страну, куда пригласили ее друзья. И этот момент приближался, даже не с каждой минутой, а с каждым шагом!

– Не бойся, мама, – немного с юмором и ободряюще похлопала ее по плечу дочь. – Подумай, что через три часа ты будешь в Па-ри-же! Мне бы такое счастье! – мечтательно улыбнулась она.

Лариса, с жалкой улыбкой, помахала ей рукой и, скорючившись в душе, подошла к стойке сдачи багажа.

А вес то я и не заметила!

– Вам придется доплатить две тысячи пятьсот рублей за превышение веса, – холодно сказала девушка, взвесившая ее чемодан.

– Две тысячи!? С половиной?! – вытянулось лицо у Ларисы. – Но, это почти половина моей зарплаты! – подумала она, и сердце ее прыгнуло куда-то вниз.

На подарки для друзей уже ушла половина ее месячной зарплаты! Ведь это был сложный 1998 год. Билет и страховка с визой, добавили еще несколько тысяч! Аня, как всегда, забыла позаботиться о приглашении, и визу пришлось делать в коммерческой организации. В пять раз дороже, и за доллары! Она уже и так истратила все свои возможные деньги, так еще и деньги которые ей дали дети! Оставалось сто пятьдесят долларов для сувениров и для еды за границей, которые она собиралась тратить очень разумно, хотя, представляла очень смутно, во сколько ей обойдется это ее пребывание в гостях две недели. Она знала, что за границей за все нужно платить и за еду в гостях тоже! Оставшихся денег могло и не хватить! Ведь, считала она по московским меркам, а как все будет там, она могла только предполагать.

Лариса, даже приготовилась голодать, и спать на скамейке в аэропорту, на случай, если ее не встретят. В таком случае прожить в аэропорту нужно было две недели. Она подсчитала, в какую сумму ей обойдется чай с булочкой, потому что на рестораны у нее денег не было!

– А что? Всякое могло случиться!

¹ прощай

Поэтому, фраза служащей, что за лишний вес надо доплатить две с половиной тысячи рублей, ввергли ее в прострацию. Она уже истратилась по-полной, и, даже, до нуля, если не сказать до минуса! А тратить последние доллары она не могла.

Задать лишние вопросы, и разжалобить девушку было невозможно. Потому что, на место Ларисы уже встали другие, энергичные пассажиры.

Выход из положения

Лариса, с красными щеками, как побитый щенок, отошла от стойки, осознавая сказанное и произошедшее, стараясь на ходу найти выход из этой ситуации. Страхи взлета сразу ушли на задний план. Теперь она думала только о том, что ее полет срывается! Теперь ей очень хотелось сесть в самолет и поскорее взлететь! Но, теперь-то это было проблемно! Потому что, таких денег у нее с собой не было! А дочь она отпустила!!! Теперь она была один на один с этой кошмарной проблемой! А время бежало, и очень быстро! И до конца регистрации оставалось минут сорок!

– Какой выход? – судорожно подумала она, подгоняемая бегущими минутами. – Выбросить половину содержимого чемодана!? Но, для этого надо найти удобное место, и привести себя в спокойствие, чтобы перебрать все, что там было так старательно запихнуто, и понять, чем можно было пожертвовать.

Поискав свободное место, Лариса попробовала открыть чемодан и отобрать ненужное. В ее пунцовое лицо и в содержимое чемодана были устремлены десятки взглядов, и Лариса почувствовала себя, почти что преступницей, которую застали врасплох на месте преступления!

Отсортировать более и менее полезное, было задачей не очень простой. Ведь надо было просчитать и цену, и вес, и назначение подарка. И еще последствия обделения кого-то из родных Ани, своим вниманием. Растормошив при этом все, так тщательно уложенное, и потом собрать назад! Нет, это было задачей не решаемой!

Она с жалостью посмотрела на плотно набитый чемодан и поняла, что выбросить из него, она ничего не имеет права! В багаже не было лишних и ненужных вещей. К тому же, все было не так дешево, чтобы отправлять вещи в помойку. И приехать к друзьям без подарков, которые она так долго искала и подбирала – было бы трагично!

В ее чемодане лежал минимум того, что могло понадобиться ей самой, максимум составляли подарки для Ани, ее детей и внуков. Аня в письме просила черную икру, водку, сигареты, деревянные расписные ларчики, шали... И, Лариса набрала всего этого с лихвой. Она немного боялась за количество сигарет и икры, но, никак не думала о килограммах! Это она совершенно упустила!

Она с тоской посмотрела на часы, и уже решила, что если за эти десять минут, она ничего не придумает, то выбросит в урну все пять бутылок водки, и для верности добавит к ним парочку, или нет, даже троечку коробок конфет! Она представила, как будет ужасно смотреть на половину своих подарков, лежащих в мусорной куче, возможно, на радость какому-нибудь таможеннику или уборщице...

Лариса, с мизерной надеждой посмотрела в сторону ушедшей дочери, и, увидев ее, обрадовалась этому, как спасительной соломинке!

– Водка! Это все из-за нее! – подумала Лариса, направляясь к дочери. И почему я не подумала об этом? Стекло и жидкость! Пять бутылок, да еще и фигурных, это килограммов семь! С другой стороны четверем сыновьям и Ане, всего по бутылке получается. Никуда не денешься!

– Неужели, я такая одна?! – подумала она и посмотрела вокруг.

И тут она заметила еще одну пассажирку, явно с такой же проблемой. Потому что, женщина также озиралась по сторонам и, даже, одновременно с Ларисой, посмотрела на нее.

– У вас тоже превышает? – спросила Лариса.

– Да! Думала, пронесет, так нет, прозорливые, заметили! – очень охотно поддакнула женщина.

– А я и не знала, что здесь взвешивают чемоданы, и теперь надо платить целых две с половиной тысячи! – Лариса посмотрел выразительно на женщину, ожидая сочувствия или совета.

– Да, ты что! Две с половиной! Лучше удавиться! Иди вон к тому окошку. Видишь, вон тот мужчина худенький?

Женщина тайком кивнула в сторону проверяющего.

– Сунь ему тыщонку! Да сколько наскребешь! Это я так, примерно. Пропустит! – уж как-то очень быстро посоветовала она.

– А если разорется и позовет милицию? – испуганно посмотрела на женщину Лариса.

– Не разорется. Иди не бойся. Положи в паспорт и все дела!

– А чего ж вы сами не идете? – хотела спросить Лариса. Но, женщина растворилась в толпе пассажиров!

– Тысяча!

Тысячи у нее тоже не было! Одна надежда была на дочь! Волоча свой проблемный и тяжелый чемодан, Лариса со слабой надеждой подошла к дочери.

– Свет, у тебя есть деньги? – спросила Лариса с дрожью в голосе.

Ей было стыдно, что ее путешествие ложится проблемами на плечи детей, которые, и так уже помогли ей в приобретении подарков для Ани, окупив поездку в складчину.

– Тысяча, – вытащила из кармана бумажку Света. Последние, до полочки. А что?

– Мало! Мне надо две с половиной, – вздохнула Лариса, с опаской глядя на часы. Представляешь, перевес 10 кг! Правда вот эта женщина научила... – Лариса кивнула осторожно в сторону советчицы, которой уже и след простыл. – Она говорит, что можно дать, и пропустят. Боюсь! Но, попробую. Делать больше нечего!

– Как говорила наша бабушка Надя, – риск! Иди, я с тобой, – вздохнула Светлана.

Да не оскудеет рука дающего

С содроганием в душе и ватными ногами, что в случае ложной информации, дело взятки приобретет для ее выезда еще более худший оборот, Лариса подошла к мужчине в форме у крайней стойки, и протянула ему паспорт, с вложенной туда тысячей.

– Скажу, что не заметила, что там деньги остались, если орать начнет, – придумала она отговорку.

Но, на ее счастье, процесс оказался очень быстрым! Не моргнув глазом, он взял бумажку и, наклеив на чемодан бирочку, сделал каменное лицо, и принялся за следующего пассажира.

Лариса облегченно махнула рукой дочери, и, уже, насовсем, скрылась в паспортном контроле.

После стресса от дачи взятки, в голове у Ларисы все превратилось в сплошной хаос от перенесенного страха, поэтому у окошка, она стояла с красными щеками и остатками протрации в голове. Она постаралась сделать безразлично приветливое лицо, и изобразила на нем простодушную улыбку, что явно привело, проверяющую паспорт, даму в сомнение. Она подозрительно спросила куда едет Лариса, к кому, на сколько дней... и, продолжая внимательно поглядывать на нее и паспорт, через несколько минут, все-таки поставила печать.

Ну, а дальше, все пошло как по маслу!

Внутренний голос

В зале ожидания Ларису еще терзала совесть.

– А вдруг, из-за меня самолет потерпит крушение?! – задала она сама себе вопрос.

– *Не потерпит*, – вдруг, услышала она голос внутри себя. – *Если разрешают заплатить за перевес, значит, этот перевес может быть! Логично? Успокойся и расслабься! Пойди, лучше купи себе кока-колу, сядь на кресло и попей. Вон, как те парень с девушкой!*

Лариса четко отделила свой голос и свои мысли от этого голоса. Он был более трезвый и оптимистичный, чем ее собственные мысли. На его радость, она купила бутылочку кока-колы и села в кресло. Глоток газировки ее освежил и успокоил.

– Все! – сказала она сама себе. Все позади! А впереди Франция!!!

– *Ура!!!* – услышала она снова тот же голос.

– Ура-а! – согласилась она.

И снова немного удивилась, но, ненадолго. Ей понравилось его присутствие, потому что голос давал дельные советы и успокаивал!

– Что это? Или, нет! Кто это? – подумала Лариса. – Мое второе я? Мой внутренний голос? Моя совесть, которая, наверное, и есть все это вместе? Или, это я сама себе подыгрываю? Ладно, разберусь потом. Вреда от этого пока никакого, только польза! Это моя маленькая компания. Я и он! Или она?

Лариса постаралась представить внутренний голос в образе, и получилось что-то такое туманное. Как облачко. И от этого, она его еще не очень разглядела.

– *А тебе не кажется, что эта дама со своими советами, околачивалась там специально?* – задал Голос вопрос Ларисе.

– Да!? – воскликнула почти утверждающе Лариса, удивившись, на это открытие, и логичность внутреннего голоса.

Не бойся взлета

– Сейчас взлет! – пожаловалась Лариса своему новому другу, застегивая ремень безопасности и вжав голову в плечи, от своих нехороших мыслей, которые снова, крадучись, вернулись.

– *Подумаешь! Взлет! Посмотри, никто не трясется, все сидят спокойно, читают газетки, стюардессы медленно ходят между кресел, улыбаются. По ним не видно, что будет что-то страшное. Расслабься! Думай о том, что с каждой минутой, ты приближаешься к Парижу! Минута за минутой, километр за километром!*

– А я боюсь! – возразила Лариса и немного побледнела, подозрительно посмотрев на крыло самолета.

– *А ты, вот что!* – услышала она совет. – *Сиди и вспоминай всю историю про Францию, с чего она началась, и как все было дальше. Вот время и пройдет. Даже и не заметишь! Представь, что ты пишешь книгу, роман! Ведь впереди могут быть и очень интересные повороты! А вдруг, ты там найдешь свою любовь?! Представь, в тебя влюбится француз! И тогда.... О, тогда будет столько интересного, что ты даже и не представляешь!*

– А вдруг, правда?! – подумала Лариса. – У сыновей Ани могут быть друзья...

– *А кстати, интересная книга может получиться с названием... «Песня о цветах», – романтично прошептал внутренний голос. Помнишь тот наш любимый фильм?! Правда, некоторые подумают, что это про ботанику....*

– Да, в общем-то, но мы еще с тобой придумаем название. Но, пока – «Песня о цветах»! – согласилась Лариса. – Буду думать о хорошем и вспоминать, вспоминать. Бюлокларе, бюлокларе... ляляля ляляля ля ля, – пропела она в душе симпатичную мелодию.

Лариса взялась покрепче за поручни кресла, закрыла глаза и стала вспоминать. Самолет разбежался и плавно оторвался от земли. Но, Лариса этого и не заметила, она вошла в мир, который жил в ее воспоминаниях, которым было уже тридцать три года!

А начиналось это все вот так! И был это 1965 год!

Девочка-Осень

Это был, кажется, 1964 или 1965 год? – начала вспоминать Лариса. – Школьная форма, значок ВЛКСМ, коммуналка в подмосковном поселке, папа, мама, золотой сентябрь и все впереди!

– Еще год школы, а уж потом, институт и, конечно, симпатичный студент! Мы будем ездить на картошку, танцевать на студенческих вечерах, а потом поженимся. Здорово! – улыбнулась Лариса на свои тогдашние мечты.

По дороге из школы, после уроков, Лариса с подругами прогулялась по парку. Они делали это каждый день, потому что, в парке еще жило лето! Среди желтых листьев попадались цветущие ромашки, и пижма, а солнце отражалось в золоте листьев и его становилось еще больше. И все же, это были последние теплые дни, которые назывались бабьим летом. И до следующего было очень-очень далеко!

– Целых..., Лариса посчитала на пальцах, – октябрь, ноябрь... целых шесть месяцев!

– А потом экзамены! – вздохнула Таня. – И еще в институт поступать надо!

– А, ладно, это еще почти через год! Время еще есть! – авторитетно сказала Наташа. – Зато, сегодня идем в кино! Там французский фильм, комедия с Луи де Фюнесом.

– Вот здорово!!! – воскликнули все трое, разом.

Вбежав по деревянной лестнице на второй этаж, неся за собой запах леса, Лариса взяла ключ из тумбочки, стоящей в общем коридоре коммуналки, и, войдя в комнату, где она жила с родителями, бросила портфель на диван и быстренько пристроила букет из листьев клена в синенькую вазочку.

Если бы она видела себя со стороны?! Рыжая, милая девочка-осень, у которой вместе со смешливостью в зеленых глазах присутствовала легкая грусть. Полная палитра сентября! И в красках, и в настроении. Но, она этого не знала, и, глядя на себя в зеркало, находила кучу недостатков. Она тогда не понимала, что юность уже хороша сама по себе, и каждая девочка в этом возрасте – красавица. Конечно, это видно с высоты прожитых лет..., если смотреть на юность, например в пятьдесят! Но, Ларисе-то в тот момент было только пятнадцать!

Кумир

– Скорее, надо включить телевизор, – щелкнула она кнопкой и быстренько настроила мелькающие строки на экране, поворотом ручки. – А теперь пластиночку!

Лариса поставила иголку на черный диск с песнями Робертино Лоретти, и, уже спокойнее, слушая музыку и одним глазом глядя, что же там идет по телевизору, она сбросила школьную форму.

– Как мне повезло! – вздохнула она, глядя на маленькую фотографию итальянского мальчика. – И пластиночка, и фотография!

На фото, мальчик с черными глазами, аккуратной прической, и едва заметной улыбкой, сидел, подперев рукой щеку, и смотрел куда-то вдаль.

– Если бы ты ожил! – подумала она, поправив челку, и продолжая смотреть на его лицо. – Оживи! – тихо попросила она, веря в сказку.

Лариса прислушалась и постаралась уловить идущие от фотографии волны. Ей даже показалось, что улыбка мальчика стала еще нежнее, а красивые, мечтательные глаза подернулись живой дымкой. Она прикоснулась к фотографии щекой, чтобы почувствовать идущее от нее тепло. Но, фотография была всего лишь кусочком фотобумаги, а мальчик, все так же, смотрел куда-то вдаль и не видел девочку...!

Откинув назад длинную косу, девочка еще раз посмотрела на мальчика, и, поцеловав его изображение, поставила фото возле вазочки с осенними листьями.

Робертино был ее идеал. И, если бы, Лариса и хотела влюбиться в мальчика, то, он, обязательно, должен был быть похож на Робертино! Был один такой, его звали Володя! Но, он жил в другом поселке, рядом с ее тетей. Он был мальчиком из детства.

– О солее мио... – пел нежным голосом итальянский мальчик, и Лариса чувствовала первые волны любви, которые были здесь, рядом, они проникали сквозь нее, и от них становилось приятно и легко. И казалось, что впереди ее ждет что-то, похожее на эти песни!

Лариса, поставила на стол молоко и хлеб. Достала из портфеля книги и тетради и вгляделась в экран телевизора. Там шли новости.

– Экскаваторы, станки, тонны, выполнения и перевыполнения... – опять! – Только и знают, что показывать трудовые достижения! Не интересно! – проворчала она. – Почему не покажут эстрадный концерт или какой-нибудь интересный фильм? Жди, когда «Огонек» будет! – с тоской подумала Лариса.

Она обожала песни Бабаджаняна, она готова была слушать и слушать Жана Татляна и Бедроса Киркорова, Ободзинского и Магомаева, но, этой музыки, которой так жаждала душа, было очень мало. Приходилось слушать одну и ту же пластинку, ловить мелодию по «Маяку» и ждать целую неделю вечерний «Огонек», или утренний «Будильник».

Быстро выпив молоко с черным хлебом, девочка отодвинула стакан и посмотрела в дневник.

– По математике не много! Потом сделаю русский, потом немецкий... Сейчас будет моя любимая! – быстро переключилась она от уроков к пластинке и, откинувшись на спинку дивана, стала слушать песенку «Душа и тело», закрыв глаза и, подпевая, мальчику. Кечиде чапузы....

Песня о цветах

Телевизионная вышка Шаболовки, под звуки знакомой мелодии, заканчивала дневную программу. Экран телевизора, озарился последними кадрами окончившейся передачи по первому каналу. И затрещал, и замелькал бегающими строками.

– Может быть, что-то по второй? – подумала девочка, с надеждой щелкнув круглой ручкой.

Но, по второй шла рябь. Лариса еще раз повернула ручку каналов. Осторожно, стараясь не пропустить наметившиеся проблески изображения. И, вдруг на одном из щелчков, увидела ясную картинку! Прыгающих строк не было, не нужно было даже подстраивать экран, там шел фильм! Она успела прямо к титрам!!!

– Песня о цветах, – прочитала Лариса. – Хорошо, что не политика! Фильм, да еще и музыкальный! Красота, – заулыбалась она, еще не веря такой удаче.

С экрана зазвучала нежная и незнакомая мелодия, под которую, по теплой зеленой речке плыла лодка, полная свежих и упругих тюльпанов, которые, своими разноцветными головками

склонялись к реке. В лодке сидела девушка в широкой юбке и, улыбаясь молодому человеку, трогала воду рукой. На зеленом берегу стояли красивые домики, виднелся шпиль церкви, мост и густые кроны деревьев. Звучал аккордеон и голос,

– Бюлокларе, бюлокларе...²

Лариса прислушалась к словам песни, но они были на французском языке, и единственное, что она уловила, это, – бюлокларе, бюлокларе....

– Что бы значили эти слова? – подумала девочка, слушая музыку, – жаль, что мы учим немецкий. Наверное, что-то про цветы, про солнечный день, про лето! Про тюльпаны. Нужно будет купить словарь и посмотреть, – решила она.

На экране уже проплывал зеленый газон, клумбы и улицы, утопающие в цветущих кустарниках, с солнечными пятнами на асфальте. Эйфелева башня. Триумфальная арка. Веселый и солнечный город!

Это был Париж! По его улицам спешили беспечные прохожие. Девушки с красивыми прическами, тонкими талиями и пышными юбками шли по тротуару на высоких каблукках, держа в руках красивые сумочки. Цветочница улыбалась прохожим, разбирая и ставя в воду, охапки свежих цветов. Милые, немного согнутые, старички с тросточками и аккуратные, старомодные старушки в шляпках заходили в магазины, или останавливались и смотрели на открытые витрины.

Город жил своей легкомысленной и пряничной жизнью. В таком городе не могло быть грусти, только радость, легкость и любовь.

– А вот и молоденький офицер, идущий с букетом роз на свидание. Смешной! Он так волнуется, стоя под часами. Но, девушка пришла! – Лариса увлеклась фильмом так, что забыла обо всем.

– Какое платье с пушистой юбочкой в полоску! Я тоже сошью себе такое, – подумала девочка. – Скажу маме! Эх, жалко, что она уехала устраиваться на работу, вот бы сейчас посмотрела! И туфельки, я тоже хочу такие! Обязательно белые и на тонких каблукках.

– Ха-ха, – засмеялась Лариса, увидев, как неловко ухаживает офицер за девушкой.

Он все время очень стеснялся и неловко улыбался.

Молодой человек, опустив глаза, отдал девушке цветы, и скромно сел рядом с ней на край лавочки, глядя совсем в другую сторону. Вот он немного, незаметно приближается к девушке, потом еще, еще! Сантиметр за сантиметром. Стеснительная улыбка, робкий взгляд..., и вот, они уже рядом. Смотрят друг на друга..., он берет ее за руку....

Сюжет шел своим чередом, и молодой человек, наконец-то, признался девушке в любви.

А потом! Потом была свадьба! Девушка в белоснежной капроновой пене платья, которую кружил на руках жених, и океан цветов! Поздравления, развивающаяся фата и фото среди многочисленной толпы гостей на память.

– Господи, сколько же у них родственников?! – удивилась Лариса, глядя на эту устраивавшуюся для общей фотографии толпу. – Как же их всех уместить в квартире?! И накормить?!

А потом! Автомобиль со счастливыми молодыми, мчался вдоль берега моря, которое, было очень синее, и сверкало под солнечными лучами каждой своей маленькой волной.

Но, самое удивительное! Над морем нависали кусты, с ажурными ветками и желтыми пушистыми шариками мимозы, которые порхали от теплого морского ветерка! Их было много, и в воздухе от них шел сильный аромат.

– Как красиво! – вздохнула Лариса.

Она никогда не была на море. Но, увидев на экране, сверкающую гладь с нависающими над ней нежными ветками цветущей мимозы, почувствовала и этот весенний воздух, и этот сладкий аромат пушистых желтых веток, который прилетел к ней вместе с нежным ветерком,

² Так слышались французские слов, но, на самом деле, они звучали по другому, девочка, пока еще, это не поняла.

и тепло яркого солнца! Она почувствовала, не только все эти восторженные краски, но и их оттенки, и даже запахи, которые скрывал серый экран черно-белого телевидения...

– Счастливая девушка! Как ее любит этот офицер, и как вообще все красиво и здорово! И чистенькие улочки города, и эти пейзажи, весна, любовь и музыка! Какая интересная и красивая жизнь! Франция, как романтично звучит это название! Вот бы съездить туда! – вздохнула девочка.

Она знала, что на сегодняшний день, это желание не исполнимо!

Бабочки в животе

Но, фильм кончился. Герой благополучно женился, обзаведясь впоследствии несколькими очаровательными детишками, и счастливо улыбался всей своей семьей с экрана возле домика, увитого розами.

И на этом канал прекратил работу. Внезапно, без последних слов диктора.

– Какая же это программа? – удивилась Лариса, когда фильм кончился. – Какая-то новая? Или нет! Я поймала другое телевидение, наверное, Франции! Вот это да! – она постаралась просчитать количество щелчков до найденной программы от первой, – ага четвертая! – поняла она, и стала делать алгебру.

Но, на душе стало как-то странно. Так, как будто рядом, было что-то такое, как этот фильм и эта музыка. Как будто нежная бабочка залетела внутрь ее самой, ближе к душе и стала щекотать ее своими крылышками. Это не причиняло ей боли, но лишь немного напоминало о себе.

В душе возникло нетерпение, попасть в этот мир, которое она старалась погасить. Потому что, это был мир, в который нельзя было попасть просто так, по желанию, даже если оно было нестерпимым!!! Потому что, весь этот уютный город, существовал совсем в «другом измерении», и все эти приятные люди жили сами по себе, и не знали о существовании Ларисы. И, наверняка, где-то там бродил чудесный молодой человек, которому она обязательно бы понравилась, встретить она его на самом деле!

Это было похоже на чувство, которое она испытала, в прошлый раз, когда ей однажды в конце зимы приснился сон, что начинается ноябрь, и земля вся коричневая и скользкая, и холодный дождь падает на облетевшие от листьев деревья, как будто, весну ждать еще очень-очень долго. Она тогда проснулась с чувством тоски, физически ощущая печальные, раздражающие душу, звуки скрипки. Звуки, которые были похожи на порхание крылышек бабочки внутри ее души сейчас.

Через минуту, открыв глаза, она вспомнила, что на дворе февраль, а ноябрь уже прошел, и весна, скоро будет! Она приближается с каждым днем! Уже днем пригревало солнце, и сосульки таяли, ловя в свою ледяную морковку тепло. Уже появлялись на дорожках лужицы с месивом из талого снега, и воробьи чирикали весело. А, уж они-то знали про весну все! И Солнце, уже было весеннее!

Это было чудесное прозрение, как подарок с неба. И начало холодной осени было только сном, и прошедшей неприятностью.

– Бюлокларе, бюлокларе ляляля ляляля ля ля... – пропела Лариса.

Увиденные в фильме картины французской природы и Парижа, вместе с этой нежной музыкой вошли куда-то внутрь нее самой и поселились там. Они звучали в душе, даже, как-то волшебным образом, потому что, в такие минуты девочка и сама была там, в том милом городке, с тихой речкой, среди тех приятных прохожих. И она ждала свидания! С кем? Она еще не знала. Образ молодого человека был расплывчатый, но, он не был похож на того актера, он был другой.

Молодой человек был мужественный, с добрыми глазами и приятной улыбкой. И он тоже брал ее на руки и кружил, кружил....

А тете Нюше все равно

– Ларис, выключи телевизор-то! Неужели, не мешает уроки делать? – в комнату вошла соседка по коммуналке, тетя Нюша, в ситцевом платье в горошек на худеньком теле и пучком из жидких волос, зачесанных гребенкой.

– Не-а! Я так люблю. Я, как Юлий Цезарь. Он делал сразу несколько дел, – сказала Лариса, и в подтверждение слов, переставила, давно молчащую пластинку, на другую сторону.

– Да там уж ничего и нет! – взмахнула руками тетя Нюша в сторону телевизора. – Только электричество жжешь!

– Тетя Нюша, я сейчас нашла совсем другую программу, четвертую! – хотела порадовать Лариса соседку. – Только сейчас уже все кончилось. Там показывали такой фильм!

– Ты суп ела? – спросила тетя Нюша, совершенно не вдохновленная этой находкой. – По мне хоть совсем телевизор работать не будет, – махнула она рукой. – Раньше хоть, гуляли на улице, а теперь уставятся в коробку и все! Как только глаза себе не сломаете?!

– А когда мама обещала вернуться? – спросила Лариса соседку, так резко прервавшую ее мечты.

– Да, уж, наверное, скоро приедет. Она сказала, что поехала устраиваться на работу, в Москве новый хлебозавод открылся, людей набирают.

– Садитесь, тетя Нюш, Хотите, открыточки мои посмотрите, – предложила Лариса, не зная, чем занять вошедшую соседку.

У нее была целая коробка писем от чешской и немецкой девочки, и много красивых открыточек, присланных оттуда.

– Нет, – сказала тетя Нюша, положив руки в карманы платья, – в магазин, говорят, штапель привезли, пойду погляжу.

Маленькая тайна или волшебная дверь

Этот чудесный фильм еще долго показывали по новой программе, через день в одно и то же время, чередуя с фильмом «За двумя зайцами». И, Лариса уже знала каждую смешную фразу из высказываний Голохвастого, или Прони Прокопьевны. Это была прекрасная комедия, и она не надоедала! И, все же, она каждый день ждала тот фильм, который назывался «Песня о цветах». Она боялась, что в один день его вдруг прекратят показывать, и тогда, она не сможет жить в этом волшебном мире Франции, где мимоза порхает, своими ветками, над синим морем. Где живет симпатичный, и пока еще, не знакомый молодой человек в форме французского жандарма. Где она уже привыкла быть, входя туда, в этот мир, совершенно волшебным образом, и гуляя по его тротуарам смешавшись с толпой прохожих.

Она попробовала рассказать о фильме своим подружкам Тане и Наташе, чтобы вместе порадоваться своему открытию. Но, они не стали искать эту загадочную программу на своих телевизорах, и слов восхищения Лариса от них не услышала. Это было удивительно!

– Может быть, этот фильм только для меня? – подумала она. – Это как у Тони с волшебной дверью. Ведь ее видел только он. И только он входил в нее.

Сначала, она немного обиделась за это безразличие подружек к такому прекрасному миру и музыке Франции.

– А может быть, это даже лучше? Пусть это будет только моей мечтой, только моей волшебной дверью... – подумала она потом. И, даже, вздохнула с облегчением.

Поэтому, она больше не рассказала никому об этом фильме, потому что боялась, что этот волшебный мир будет разрушен, и поблекнет от безразличия и пренебрежительных слов. Теперь это было только ее счастье, и только ее маленькая тайна.

Волшебная палочка феи

Странно, но только сейчас, через много лет она вдруг поняла, что все, что произошло с ней потом, было продолжением этого дня. Это было цепью событий, плавно выстроенных судьбой. Они были растянуты по времени, казалось, были не связаны между собой, и пока еще, не обозначали точку финиша. Поэтому, даже тогда, когда эти события происходили, заподозрить в этом шахматные ходы судьбы, было не просто.

Может быть, в тот момент, ее восторга от мира Франции, который она видела с экрана, и, услышав, ее мечты попасть в этот мир, в воздухе пролетала фея, которая исполнила желание Ларисы?

Конечно, она не могла, по волшебству перенести ее сразу во Францию физически. Ведь это была не сказка, а обычная жизнь, имеющая свои законы. А в жизни все идет своим чередом, и перескочить ни время, ни пространство, даже по желанию феи, не возможно! К каждой точке человеку надо дойти. День за днем. И Фея знала свое дело, она все устроила так, естественно, что никто бы, и даже, сама девочка Лариса не заподозрили жизнь в ее проделках.

И девочка Лариса жила, не подозревая, что день за днем в ее жизни все выстраивается так, как нужно этой линии сюжета, придуманной феей. Что-то делалось помимо ее воли, что-то ставило ее перед выбором и выбор, почему-то, точно вписывался в сюжет.

Вещий сон

А потом все пошло так. Мама устроилась на хлебозавод, а Лариса, окончив школу и поступив в вечерний институт, выскочила замуж.

Все шло совсем не так, как она представляла в школе. Дневной институт с картошкой и студентом, остался для ее подружек Тани и Наташи, это было странно, потому что в школе они учились хуже Ларисы. Но, у Тани в ход пошли знакомства мамы, а у Наташи, роль сыграла ее многодетная семья учителя. Она попала в этот счастливый процент негласного приема в ВУЗЫ, ведь тогда, зачем-то, в анкете указывали, из какого сословия есть ты. Возможно, ее, Ларисин процент, был отодвинут вот такими девочками и мальчиками со связями и льготами, потому что, ей не хватило только бала.

Но, ничего, оказалось, что учиться в вечернем и работать в конструкторском бюро почтового ящика, было очень даже интересно. И, пока она была одна, не так уж и трудно.

Но, выйдя замуж, и родив двух дочек, она прочувствовала все, и постоянное желание спать, и нехватку времени, и ужас от испорченного накануне защиты, листа диплома, на котором ее детишки нарисовали каля-маля.

Это было бесконечное колесо из дней и ночей, отсутствия выходных и праздников, лекций, пеленок и постоянной нехватки денег. Так пробежали 8 лет ее жизни. Ее молодость! И они выжали из нее все! Теперь она была усталой и очень худенькой молодой мамой.

Она вспомнила свой сон под Рождество, когда они с Таней и Наташей гадали на свою судьбу.

Нет, ей не приснился Толик, который ей очень нравился в пионерском лагере. Она не увидела красоты и счастья в этом своем сне. Но, она его запомнила, потому что, он был очень ясный и, даже, символический.

Она бежала по ночному городу мимо почти погасших витрин, слабых фонарей и отсутствия прохожих. Она бежала, как будто убегала от кого-то, или просто в ночном городе, одной, ей было страшиновато.

Вдали виднелся перекресток, и, слава Богу, там стоял человек в форме. Она очень обрадовалась. Она поравнялась с ним и успокоилась. Теперь ей было не страшно.

– А как вас зовут? – спросила она.

Мужчина назвал свое имя.

– Андрей или Антон, по-моему, – вспоминала она, проснувшись.

Это было разочарование. Не Толик, не Володя, а какой-то Антон! Так мало того, ему было лет тридцать, он был светловолосый с усами, и совсем, не тем типом лица, который нравился в то время Ларисе.

Вспоминая этот свой сон, она поняла, что он не сулит ей спокойной, счастливой жизни. Она будет убегать! От чего? От трудностей, от проблем, или просто от своей не такой уж простой судьбы? И потом, когда ей будет уже много лет, она встретит своего спасителя. Этого Антона! Под конец дня, под конец жизни! И этот Антон ее не вдохновлял, хотя, и наличие в ее судьбе спасения – немного порадовало.

– А, враки, ничего не приснилось, – сказала она своим подругам. И также постаралась объяснить этот сон себе. Быть несчастной в свои шестнадцать, ей совсем не хотелось. И казалось, что судьба в ее руках, и, значит, надо бороться. Так их учили и книги и фильмы.

– Ну, что ж, сон начинал сбываться. Она бежала, она крутилась, она ждала помощи, но, пока этого спасителя рядом не было! Муж был прекрасным человеком, он обожал ее, и помогал всячески. Мама была всегда рядом. И, все же, основная нагрузка в виде этой гонки: институт – дети – работа – карьера, никто с нее снять не мог.

Конечно, за этими заботами и проблемами, мечты о мимозе над морем ушли на десятый план, и все же, Лариса часто пела про себя эту песенку бюлокларе, бюлокларе. Она помнила эту мелодию, и она никуда не уходила из нее, из ее души. Она пела ее, когда ждала автобус, когда радовалась, когда задумывалась. Это было ее музыкальным сопровождением мыслей. Иногда она вспоминала этот милый город, цветы, тихую речку. И мечтала побродить по берегу средиземного моря под цветущими ветками мимозы.

– Хоть, один раз в жизни!

Она даже пробовала найти этот фильм снова, но он исчез с экрана, также, как и появился. Незаметно.

И телевизоры уже были цветными, и этот фильм, и мимозу над морем, теперь можно было бы увидеть в цвете, но, как ни крути ручку телевизора, фильм исчез навсегда! Он остался в душе Ларисы. В ее виртуальном мире. И там все краски сверкали, а запах мимозы плавно заполнял собой все пространство.

Иностранцы и русский хлеб

Лариса оторвалась от своих мыслей. И с беспокойством посмотрела на табло. Запись отстегнуть ремни ее порадовала. Взлет прошел, и теперь самолет плавно плыл над планетой.

Лариса посмотрела в иллюминатор и увидела лоскутное одеяло из аккуратных кусочков полей, лесов, озер, неровно сшитое дорогами, реками и тропинками. Облака, похожие на сахарную вату, были редкими и давали просмотреть всю эту картину. Одно из облаков было похоже на ее маму, а второе на мужа. Они успели улыбнуться ей и плавно превратились в другие образы.

– Ларсенок великий! – услышала она голос мужа, который часто так шутливо разговаривал с ней. – Счастливая, посмотрит Францию! Но, я всегда с тобой, я сверху вижу все! – пошутил муж.

– Ни пуха, ни пера, Лорочка. Я же говорила тебе, что все меняется, и увидишь ты свою Францию, свою «Песню о цветах». Остороженько там, – шепнула одними губами мама. Но, Лариса поняла ее фразу.

Она с сожалением посмотрела на эти два облака, которые незаметно превратились в обычную сахарную вату и остались далеко позади. И мама, и муж знали эту историю с самого начала и были ее участниками. Они часто жертвовали своими желаниями и выкладывались по полной, чтобы все прошло хорошо, но ушли на небо. Это было не справедливо. И без них Ларисе было очень тоскливо.

– Лариса, сегодня организуй встречу, – небрежно, на ходу, бросил ей главный инженер. Он важно прошел мимо нее в белом халате, с наметившимся под ним признаком благополучия, и важным видом, который ему придавала оттопыренная нижняя губа.

– Петр Иванович, во сколько? – спросила Лариса, присоединившись к его шагу.

– Часов в двенадцать. Покажи завод, своди в мелкоштучный. Самовар, булочки, как всегда. Есть вопросы? – спросил он, не делая промежутка между сказанными предложениями. – Ну ладно, мне некогда, – главный инженер, под свое милое ворчание улыбнулся и скрылся в проходе цеха выпечки.

Хлебозавод, куда когда-то устроилась на работу ее мама, и где теперь конструктором работала и сама Лариса, был образцовым. И туристы, частенько заходили сюда в составе экскурсии. Они смотрели, а главное, вдыхали, и вдыхали все витающие тут запахи теста, ванили, и свежесдобного хлеба. Они с воодушевлением смотрели на рыженькие батоны, и готовы были съесть их по штуке на каждого. Бесплатно!!!

– О! О! О! – только слышалось, когда они зажевывали, оторванные куски от горячего батона, поделенного по-братски с друзьями.

– Москва, русский, хорошо! Вкусно! – пытались выразить они свое удовольствие на ломаном языке. – У нас в городе булочные маленькие, а у вас во! – делали они жест, обводящий огромный цех и округляли глаза.

Наивные, они не знали, что дальше их ждал мелкоштучный! Так назывался цех, где пеклись сдобные булочки. Вот тут-то в кабинете начальника цеха, которым теперь работала мама Ларисы, их ждал длинный стол с пузатым старинным самоваром. Он, гордо подбоченясь, стоял на огромном металлическом подносе и вмещал в себя, наверное, ведра три воды!

Чехи, словаки, поляки и болгары, отдававшие у себя дома предпочтение кофе, здесь, с удовольствием пили чай! Они подставляли расписные бокалы, наполненные на четверть яркой заваркой из фарфорового чайника, размером под стать самовару, под щедрый его носик, и, как дети, радовались, что сами открыли витую ручку! Они с восторгом смотрели, как в их бокал льется шипящая от скорости горячая струя воды, как будто, это было, по меньшей мере, Ниагарским водопадом!

Потом они сидели за столом, с покрасневшими лицами, и уплетали калорийки, плюшки, сметные лепешки и свердловские слойки, под вторую и третью чашечку сладкого чая. Во время чаепития они добрели и от русского радушия, и от улыбок симпатичных девушек, работающих в цехах, и от ароматного изобилия. Они, почти что, становились русскими! Иностранцы от всего этого таяли в буквальном и переносном смысле.

А дальше, происходило братание. Обмен сувенирами в виде значков, открыток, каких-то символических фигурок, и, если, их не хватало, то в ход шли шарфы, свитера и шапки прямо с себя.

Лариса работала здесь уже полгода, и сегодняшняя встреча была для нее не первой. Но, сюрприз ее все-таки ждал. В этот день туристы были не из социалистических стран, а из Франции!

Аня

– Вот мои дети, вот моя хата, вот мои внуки, – женщина лет шестидесяти стояла в центре небольшой группы коллег Ларисы показывала им свои фотографии, встроенные в маленькую книжку с пластиковыми карманчиками.

– Здорово, – подумала Лариса. – Удобно! У нас такого нет! Она с интересом присоединилась к слушающим, и попросила посмотреть фото.

– Это мой старший, – ткнула женщина пальцем в изображение мужчины в военной форме. Он охранял нашего президента! Сейчас он жандарм в Пари!

– Как наш гусар, – подумала Лариса, увидев молодого человека в высоком головном уборе с кокардой, пером и эполетами.

– А это мой второй, – на фото был молодой человек в день своей свадьбы, – он электрик на фабрике.

– А это мой третий, он работает в фризоне...³

Лариса не совсем поняла, что такое фризон, но отметила, что этот сын очень красив. Он больше всех соответствовал ее представлению о мужчинах французах. Кудрявый, с изогнутым небольшим носом, смуглый и, даже, немного похожий на... Жерара Филиппа!

– О! – сказала она, – у вас красивые сыновья.

– У меня их четверо! – победно сказала женщина, глядя из под очков на, совершенно естественно, появляющуюся реакцию. – У меня уже есть четыре внука. А, вон там, мой Жан! Мужик! – хитро улыбнулась она, ожидая, произведенное от ее слов, впечатление.

Лариса с интересом посмотрела в группу мужчин, стоящих неподалеку, но не смогла определить, кто же из них муж этой женщины. Мужчины оживленно разговаривали и уже снимали с себя шарфы и свитера, чтобы подарить их своим собеседникам из России.

– А откуда вы знаете наш язык, – спросила Лариса, явно заинтересованная этой женщиной.

– Во время войны меня угнали на р-работ, а потом я вышла замуж за француза, там их было тоже много, – махнула рукой женщина, явно ожидающая удивления и вопросов, как только, она обнаружит свое знание русского.

Лариса осторожно разглядывала женщину. У той были короткие, пушистые от химии, светлые волосы. Голубые выцветшие глаза. Носик с острым кончиком, загнутым к губе, и узкие губы. В общем-то, она не показалась Ларисе русской.

– Скорее – немка?! Шпионка? – подумала она, помня еще все фильмы про разведчиков и шпионов из детства.

Но, отмахнула от себя такие мысли, как смешные. Она постаралась повнимательнее приглядеться к женщине и понять ее.

При ее не совсем русской внешности, говорила женщина, путая слова и диалект старой русской деревни и французского разговора! И это выглядело естественно. И поэтому, Лариса списала ее внешность на ее возраст. Женщина казалась доброжелательной и любящей свою семью. Это трогало. Трогало и ее желание общаться с русскими.

– Ведь, если ее угнали на «Работ», и, даже, если она там прожила счастливую жизнь со своим французом, ее должно было тянуть на Родину, без этого никак! Ностальгия, она живет со всеми, кто живет далеко от дома. Это понятно, – подумала Лариса.

³ тюрьма

– Кто хочет со мной переписываться! – робко заглядывая в глаза, присутствующих, вдруг, спросила женщина.

– Переписываться?!

Лариса даже вздрогнула от этой фразы. Ей казалось это недоступным. Можно было вступить в контакт с туристами из социалистических стран. Она до сих пор переписывалась с подругами из Германии и Чехословакии. Но, Франция была капиталистическая страна, в которую даже поехать по путевке было не возможно. И вдруг, так просто! Хотите или не хотите!

– Я, я хочу, – хотелось быстро сказать ей.

Лариса любила писать и, конечно, получать письма, ведь это был маленький мостик, заменяющий туристическую путевку и реальную прогулку по Праге, или по Дрездену. Он проходил через слова, открытки, маленькие подарочки из бандеролей, и представлял собой, что-то невидимое, которое, сейчас называли бы аурой. Провести такой мостик с Францией ей очень бы хотелось! Но, она должна была продумывать все свои слова и поступки, ведь это были иностранцы, из капиталистической страны, а вокруг стояли коллеги, которые могли на все это посмотреть по-разному. И, к тому же, ей было стыдно признаться в своей заинтересованности.

– Кто хочет? Я напишу свой адрес! – повторила женщина.

Молчание окружающих уже становилось не ловким. Коллеги стояли, как будто не понимали сказанных слов, и как-то прятали глаза.

– Я хочу, – как можно спокойнее, сказала Лариса, радуясь в душе, что она оказалась единственным желающим. – А что в этом предосудительного? – подумала она, немного испугавшись своего ответа. – Если их пустили на хлебозавод, разрешили общаться с нами, значит не запрещено и взять адрес? Тем более, ни она, ни я этого факта не скрываем!

Женщина быстро написала свой адрес, и Лариса сунула его в карман своего белого халата, в котором уже лежало несколько флакончиков французских духов. Они были маленькие, пробные, такие, какие дают в качестве рекламы, но, это были французские духи! И, даже, дотронуться до них ей было очень приятно. А как хотелось понюхать! Но, она оставила это на потом.

– А вот мой, – Лариса, в ответ на вопросительный взгляд женщины, быстро написала его на бумажке, и женщина по-хозяйски сунула ее в свою изящную маленькую сумочку.

– Спасибо! – заулыбалась женщина. – Я и буду тебе писать. Ты мне тоже напиши!

Она поцеловала Ларису в обе щеки. Лариса обратила внимание, как из-за спины женщины с испуганным интересом на все это смотрит другая француженка, по возрасту более близкая к ней самой.

– Лучше бы, она, дала мне свой адрес! – подумала Лариса, и тут же оборвала себя в душе, за несправедливо сказанное. И боясь, что судьба в отместку отберет у нее эту возможность дружить с французами!

Она уже представила, как вечером зайдет на почту и купит конверт и открытку.

– Сегодня же напишу, – подумала она. – А пока письмо им придет, пройдет, наверное, недели две. Они уже вернутся во Францию, и, значит, ответ я получу быстрее!

Когда она приехала домой, и аккуратно положила адрес в письменный стол, то поразилась, что руки ее, только от прикосновения к флакончикам, приобрели очень приятный аромат.

– Гермес, – прочитала она на флакончике.

Гермес! Это было не очень знакомо. Обычно звучало название Диор, или Роше. Но, запах был очаровательный. Он волновал, он поселял в душу весну, любовь и мечты. Это было что-то особенное! Запах и возникновение, только от вдыхания его, целого романтического мира!

Этот волшебный запах продержался на ее руках, а потом и на подушке всю ночь. И, наверное, от этого, Ларисе вновь вспомнился тот фильм, и та мимоза над морем, и то ощущение, которое поселилось в ее душе тогда в 1965.

В принципе, она никогда не забывала этот фильм, а мелодию напевала часто. Бюлокларе, бюлокларе... Лариса, незаметно для себя, очутилась на лодке полной тюльпанов, которая плыла по теплой речке... Зазвучал аккордеон, лучи солнца упали на листву...

Проснувшись она в очень хорошем настроении.

Все по порядку

Лариса посмотрела на стюардессу, которая двигала столик и предлагала напитки.

– Мне красного вина, пожалуйста, – попросила Лариса. Ей уже было спокойно лететь над облаками, самолет шел плавно и бесшумно. А бокал вина и вовсе улучшил настроение.

Она попробовала вспомнить лица и имена сыновей Ани, ее саму, и оказалось, что за это время, а прошло уже лет десять, она подзабыла их внешность и Серж с Арно смешались у нее в голове. Кристиан и Аля от них очень отличались.

– Но, вот, эти двое! Как бы, не напутать, а то некрасиво получится, – подумала она.

Николь она помнила хорошо. Такую яркую мадам забыть было сложно. Красная юбка, огромные серьги, сигарета!

– По моему ты забежала вперед, – сказал ей внутренний голос. Так ты запутаешься. Иди по порядку.

Прошел год. Лариса уже получила и отправила много писем с дифирамбами стране Франция, ее актерам, писателям и вообще людям. Она действительно восхищалась этой страной, ведь в их кинотеатрах шли фильмы с Луи де Финесом, от игры которого, можно было надорваться от смеха. Красавчик Жан Марс собирал новых поклонниц. На пластинках звучали симпатичные мелодии, Азнавура, Ива Монтана. А по экрану порхали красавицы француженки, Мишель Мерсье, Бриджит Бордо, Милена Де Монжо. Катрин Денев. Боже! Это все было очаровательно, легко, романтично и очень лирично. Пожалуй, в те дни эта страна была самая популярная! Все носили прически Бобетта, мечтали о французских духах, и туфельках из Парижа. А тонкие талии француженок, были символом французских женщин, которые лучше не купят пирожное, но приобретут пару новых перчаток.

Но, Аня! Она жила в этом мире! Аня, конечно, была русской женщиной, но за столько лет, проведенных во Франции, приобрела черты западной мадам. А потом, ее муж и сыновья были настоящими французами!

– Как романтично звучали их имена! Кристиан, Арманд, Арно!

– *Правда Арно больше сходило за имя армянина, и по-французски оно не звучало, – влез внутренний голос. – И Серж, и Аля тоже. Но, имена женщин?! Ивет, Николь, Сабин, и даже... Мари Жо!*

– Да! – подумала Лариса, и имена, и все эти французские слова, все эти романтические кадры из фильмов рождали в голове какой-то очень соблазнительный и очаровательный образ французов вообще. Мерси, пардон, силь ву пле... Это звучало нежно и красиво, даже как-то волнительно.

– *Это был созданный рефлекс! – съязвил и трезво добавил внутренний голос. – Ведь мы не знали настоящей Франции, а создали ее образ из всего, самого симпатичного, что нам показывали, вот и возникало ощущение восторга от любого сказанного по-французски слова, или от вида Эйфелевой башни, или от Монмартр... Лувр, Елисейские поля... А на самом деле? Вдруг, все совсем по-другому?*

– Ты помнишь, какие она мне присылала открыточки? – не обратила внимания на вредность внутреннего голоса Лариса. У меня их целая коробка. До сих пор, храню! Волшебное Рождество с симпатичными домиками, незамерзающей речкой, детишками в очаровательных пальтишках и шапочках, играющих в снег. И все это посыпано сверкающим снежком! Они

даже раскладывались, образуя объемную картинку рождения Иисуса, природы, или сюжета сказки. И они так пахли!

Лариса сделала вдох, вспоминая тот волшебный запах и те ощущения, и отпила глоток вина.

– Ой! – подумала она. Что же я пью одна? Надо, предложить и моему невидимому собеседнику. Лариса отлила часть вина в другой стаканчик и предложила чокнуться.

– Ну, наконец-то, – возрадовался внутренний голос. – *Такое отношение каждому приятно. Но, я чокнусь с тобой виртуальным бокалом. Так мне проще.* – А ты помнишь фотографии Ани? – воскликнул внутренний голос. – *То она на Средиземном море на своей вилле, то она гуляет по парижскому парку с мужем, то она воображает около золотых ворот в Нанси. И всегда счастливая.*

– Да! – продолжал внутренний голос. – *Правда нам не очень понравился вид фабрики, которая была недалеко от дома Ани. И, наверное, мы с тобой сегодня разочаруемся, увидев такой пейзаж около ее дома. Но, что делать? Все хорошо не бывает. Все равно это Франция!*

– Ничего, потерпим. Зато, она обещала поехать со мной в Париж! – ответила Лариса внутреннему голосу, и даже один день в Париже, стоит всей поездки! За Париж можно отдать все! И даже потерпеть фабрику с ее отходами у себя под носом.

– А ты знаешь, я как-то плохо помню их лица, и вообще, они у меня все перемешались, кто Арно, кто Серж. Аню я, конечно, помню. А Патрик теперь уж большой! Сколько ему теперь? Тогда было семь, значит сейчас ... уже... двадцать семь! А Александру – двадцать шесть. Вот это да! Как же быстро бежит время! С 1978 года прошло целых двадцать лет! А помню...

Незванные гости

– Ларсенок, это тебя, – сказал муж, заглядывая в комнату. – По-моему, это твоя Аня, – прошептал он.

Лариса подбежала к телефону.

– Это я, – сказала Аня. – И, здравствуй. Я тебе звоню из Пари! На следующей неделе, я приезжаю в Москву.

– Да!? Как хорошо! – только успела вставить Лариса, и в душе у нее пронеслась маленькая тень. Она знала, что последует за этой фразой. Но, она была не готова!

– А сейчас я у Арно и Николь, – продолжала лепетать Аня. – Мы сейчас идем обедать ресторан, а потом я поживу у них неделю и приеду в Москву. В отель Метрополь. Знаешь?

– Знаю, знаю, – сказала Лариса, и плечи ее опустились еще ниже.

– И ты, как думаешь, мы можем к тебе в гости придти? – спросила Аня. Я хочу посмотреть, как ты живешь.

– Ой, ну конечно, – ответила Лариса, наскоро проворачивая все варианты приема иностранцев в своем доме.

Ей стало плохо, до тошноты. Не потому, что она не хотела видеть Аню. Нет! А только потому, что она боялась, что гости из Франции, которые ходят по ресторанам в Париже, и останавливаются в Метрополе, увидят ее еще не обустроенную квартиру.

– А еще, надо быть красиво одетыми. А еще угостить! И подарки! Как же отпустить без подарков?! А самый дешевый, например поднос с росписью стоит 25р. Четыре таких сувенира – вот и месячная зарплата! – эти мысли просверлили голову Ларисы.

Ей стало тоскливо от всего этого, опустившегося на нее так внезапно. Ей как будто не хватало воздуха, и она вздохнула тяжело-тяжело.

– Тебе и что привезти? – спросила Аня. – Говори и что ты хочешь!?

Лариса остановила в голове этот круг безысходности, чтобы понять фразу Ани.

– Да ну, что ты, Аня, ничего не нужно. Приезжай, мы будем очень рады! – поспешила ответить Лариса, хотя желаний получить подарки из Франции, у нее конечно были.

Она представила массу красивых вещей, которые видела в фильмах, и которые иногда привозили из-за границы знакомые или родственники. И как ей хотелось тоже иметь иностранные вещи. Она даже представила себя в новом наряде, примерно в таком, каком она видела девушку в последнем французском фильме. А бархатный костюмчик, например, зеленого цвета! Или, нет! Синенького! И кофточку летучая мышь, и кусочек кримпленчика, а мама потом сошьет...

Мысли могли уйти еще дальше, но Лариса оборвала свои мечты. Это было не вежливо заказывать себе подарки, и не хотелось выглядеть бедной и вождевающей, это тоже было стыдно. И потом, она подумала, что Аня сама догадается, что привезти, ведь она видела ее, и знает что у нее две дочки и муж.

– Ну, тогда пока. Чмок, чмок, – радостно и как-то облегченно, раздалось в трубке.

– Чмок, чмок, – поцеловала трубку Лариса, с некоторым удивлением, не услышав от Ани вежливых, уговаривающих слов, в пользу подарков.

Но, на передний план мгновенно выбежали другие мысли и слова. С испуганным и, одновременно, восхищенным лицом она повернулась к мужу.

– Она едет к нам! – Аня будет здесь через неделю! – Лариса, сделав лицо щенка, посмотрела на мужа. Ей хотелось, чтобы он воспринял ее сообщение с пониманием. Ведь они только что приехали из отпуска с моря, и в кошельке было пусто!

– Лариса глубоко вздохнула, обведя взглядом свою, не оформленную гостиную. Она представила себя в том наряде, который она собиралась купить со следующей зарплаты. Он висел в галантерее, и был такой милый, и совсем не дорогой! Он бы и к встрече, и на Новый год подошел! Белый трикотаж с серебряным люрексом! Чудо! И всего 47 рублей. Но, теперь, с ним можно было проститься.

– Вить, мне и самой это не очень хочется, – сказала Лариса. Как-то это внезапно, мы с тобой не готовы. Ни квартира, ни... Мне совсем нечего одеть к гостям! – грустно сказала она. – Платье мое серое, я уже видеть не могу! – сморщила она мордочку.

– Ларсенок, ты у меня красивая в любом наряде. Они еще обзавидуются, какая ты у меня, – успокоил ее Виктор, и поцеловал в щеку.

– Ты будешь в сером костюме и голубой рубашечке. Тебе идет! Хорошо, что мы купили его в прошлом году, – продолжала рассуждать Лариса.

Она в голове промотала все варианты одежды, и вздрогнула от того, что колготки у дочек были штопанные. А новые, в магазине купить было сложно! Их попросту не было.

Все проблемы, с которыми предполагалось жить еще долгое время, и которые могли не так уж мешать в обычной жизни, на фоне приема гостей из Франции, вдруг, обозначились слишком ядовитым-зеленым цветом, потому что все они были не преодолимые! Тем более, за неделю!

– Ларсенок, приглашала ты их на свою голову! – вздохнул муж. – Ну что ж, давай писать список! Завтра пойдем в универсам, купим мяса, горошек, вина. Приготовим! Я у тебя кто? – спросил Виктор, гордо подняв голову, обозначив римский профиль.

– Ты у меня «Повар – золотое перышко». Это было название королевского повара из одного мультфильма, которое Лариса присвоила своему мужу, за то, что он любил готовить.

Мысли перебивали друг друга, и пока что, не давали выхода, вернее, легкого выхода из положения.

– Вино, газировка, горошек, майонез, мясо, окорок, капуста для пирожков, конфеты, торт, Что еще? Конечно шампанское, любительская колбаска, может быть, сделаем пельмени? – перечислила она, наскоро обозначившиеся продукты.

– Не вопрос, – ответил, улыбаясь, Виктор.

Только обед тянул на пол зарплаты! Такие обеды были позволительны на Новый год, или на день Рождения. Но, они бывали запланированными и не после отпуска! Теперь все усугублялось.

Как всегда спасла мама.

– О, Лорочка, не переживай! – сказала она по телефону. И Лариса представила мамино доброе лицо, ее улыбку. – Все приготовим, помогу тебе убраться и денежек дам. Напечем пирожков, сварим холодец, сделаем рыбку в маринаде. Все будет складненько.

Лариса представила, как мама потирает руки, у нее была такая привычка, и ей стало спокойнее. Пока у нее была мама, все становилось не страшно.

– Аня приезжает, – продолжила мама. – Я помню, она у меня в цехе булочки ела. Хорошая женщина! Она со мной тогда поговорила. Я еще удивилась, что на нашем языке. Она мне и мужа своего показала. Такой черненький, кудрявый. Хорошие люди. Вот интересно на них снова посмотреть!

– Представляешь, мам, к нам в дом едут французы! – воскликнула Лариса, у которой тоска и страх ушли на второй план, после слов мамы. А предстоящая встреча, из ядовито-зеленого цвета окрасилась в розовую.

Это было так необычно. Ведь в представлении Ларисы, это были люди с кадров кинофильмов. Почти неправдашные! Живущие, такой идеальной жизнью, которая очень отличается от ее сегодняшней. Они существовали, но где-то там, в другом измерении, и сами по себе.

По сравнению с ними и их возможностями, сегодня она чувствовала себя Золушкой, и даже немного стеснялась своей жизни. И вдруг эти люди с улочек Парижа, из жизни, где у всех машины, где каждый день ходят в ресторан или пьют кофе за столиком парижского кафе прямо на улице, разглядывая прохожих, скоро будут в ее доме! Это было почти так же, как самой впрыгнуть в тот фильм, который она видела в юности. Невероятно! И интересно!

– Правда, чудно! – продолжила она. – Я и не думала, что так будет. Думала, переписываться будем. И все! Но, так страшно, если им у нас не понравится. У них ведь все есть, а у нас с Витькой еще начать и кончить. Стыдно!

– Ничего! – успокоила Ларису мама. – Им интересно посмотреть, как мы здесь живем. Поэтому, даже если что не так, не переживай! А потом, Аня же русская, она-то все понимает. А, я тоже принаряжусь, причесочку сделаю, – мама улыбнулась, представив себя в праздничном виде. – Наготовим всего! Встретим! – уверенно сказала она.

Виктор писал список дел и продуктов, а девчонки скакали по полу и пели,

– французы, настоящие французы? Ля, ля, ля. К нам едут французы! А они что-нибудь нам привезут? Мы хотим жвачки, и куклы. А еще заколочки для косичек.

– Конечно, привезут! Может, опять духи привезут, или мне кофточку?! А вам куколоч! Барби! – постаралась исправить положение своих эгоистических желаний Лариса, смеясь на радость дочек, их смешную песенку и голоса как у Буратино. – Они же богатые! Французы!

– Вить, ты представляешь, какие они хорошие, даже к нам в гости захотели, – посмотрела на мужа Лариса, протирая пол. К кому еще в гости из Франции приезжают? Только к нам! Подумаешь деньги! Только месяц и получим зарплату. Переживем! Месяц и все! А может быть, они привезут красивые вещички, вот мы и сэкономим, на одежде.

И все страхи вдруг превратились в ожидание праздника для всех. Письма оживали. И их дом уже ждал в гости людей из такой красивой страны, где Шарль Азнавур, Луи де Финес и мушкетеры, и Наполеон. И от этого эта страна, как будто становилась ближе и доступней.

Сплошное удивление

Аня приехала с маленьким внуком Патриком и его мамой Мари-Жо, женой ее второго сына Сержа.

Хорошенькая мордочка как у лисенка, модная стрижка и капитальный костюмчик с лакированными ботиночками. Маленький, милый мальчик. Тихий и нежный как девочка. Лариса теперь, получше разглядела Аню, образ которой, подзабылся за год.

Это была уже не молодая женщина, так показалось Ларисе тогда с точки зрения ее возраста. Хотя Ане в то время было то всего 55, но Ларисе было 29! У Ани были подслеповатые глаза, под очками с толстыми стеклами, но улыбка шаловливой девочки, которой все сходит с рук. Она была одета в светлые брюки и красивую розовую кофточку.

Мари-Жо, женщина с крупными бедрами и улыбкой, из-под второго подбородка, от которой ее маленькие глазки становились еще хитрее, потому что прищуривались еще больше. У нее были тонкие губы и изогнутый к низу носик и очень короткая стрижка. Ни на Бордо, ни на Анжелику, она не тянула. Да и на французенку, которая не есть круассанов и пирожных, тоже.

– *На французенку в тот день была больше похожа ты!* – воскликнул внутренний голос. – *И, фигурка идеальная с талией, и одета со вкусом, твое серое платье, кстати, было очень милым, до сих пор его вспоминаю, – заявил он. – И волосы! Шикарные, рыжие! А, Мари Жо, ведь она была тебе ровесница, а смотрелась в два раза старше. Наверное, круассаны ела без предубеждения!* – хихикнул внутренний голос.

– С гостями было три сумки! – удовлетворительно улыбнувшись похвале, и немного иронично, продолжала вспоминать Лариса. А в них лежали подарки!

– Вот мы вам привезли. Если не возьмете, то выбросим, – сказала решительным тоном Аня. Это прозвучало странно для подарка и статуса гостя из Франции.

Но, в ту же секунду из сумки каскадом, вылезали не подшитые джинсы, кофточки, платья, и всякая разная мелочь. Все это лежало смятой кучей на диване и совершенно ошеломило Ларису, своим не подарочным видом. И, главное, для девчонок там не было ничего! Лариса представила их разочарование. «Жвачки, куколки, заколочки...» – вспомнила она их песенку. Правда, в кучке мелькнули двое колготок розового и белого цвета. И это смягчало положение, если, конечно, размер был тот самый.

– Зачем выбрасывать? Такое все красивое, и для девочек и для меня! Спасибо! – сказала Лариса, обескураженная положением, берущей, кучу барахла, и, стараясь округлить свое невольно вытянувшееся лицо от такого подарка.

– У вас тут ничего нет в магазинах! Только в Березке, но, туда русских не пускают. А пошему? – спросила Аня, вероятно оправдывая, содержимое мешков, и, по всей видимости, даже чувствовавшей себя на высоте от такой щедрости.

– А вот вам, мы тоже купили подарки, – Лариса постаралась прервать свое замешательство и слишком длинный ответ на вопрос – «почему?».

– Вот сервиз, это настоящая Хохлома, вот ростовские подносы – это авторская работа, водка «Кристалл», это самый лучший сорт, вот посадский платок... самовар, конфеты, – Виктор и Лариса таскали из смежной комнаты свои подарки, купленные вчера на Арбате. Ой! – подумала Лариса, а для ребенка ничего нет! Переглянувшись с мужем, она сбегала в другую комнату и принесла свой любимый фотоаппарат «Смена». Она очень любила свой фотоаппаратик, другого у нее не было и она отбросила свои мелькнувшие скорбные мысли. – Бери, мы не знали, что ты приедешь, – протянула она мальчику.

Патрик важно повесил на себя фотоаппарат и сел рядом с бабушкой. Бабушка и мама восприняли это, как должное.

– Ну, садитесь за стол, – пригласила Надежда, мама Ларисы. – Пробуйте все, не стесняйтесь. Патрик, а вот котлетка вкусная и картошечка, будешь?

– Патрик посмотрел на бабушку, он не понимал, что ответить.

– Будет, будет, – сказала за него Аня.

– Мне нужен нож, – сказал малыш.

– Сейчас, – спохватилась Лариса, сбегав на кухню за ножами. Она хотела положить ножи, но забыла. К тому же, они были разные, потому что, в тот момент в их доме не было набора столовых приборов, а были отдельные вилки, ложки и ножи.

– А почему ты не купишь?! – удивилась, и почти что, возмутилась Аня, посмотрев на эту разницу.

– Все не успеешь, не получается... – Лариса была готова провалиться сквозь землю, и вдруг поняв, что не было бы приема, она купила бы и столовые приборы, и новую скатерть, и много еще чего. И этот упрек немного разозлил ее.

– Ну, давайте шампанского, за ваш приезд, – предложила мама, улыбнувшись Ане и остальным, – Виктор наливай!

– А у нас так не пьют. У нас сначала аперитив, а потом вино белая или красная, – сообщила Аня, с удовольствием выпив рюмку водки, во время обеда. А если кто чужой придет, то только кофе, а то и кофе не дадут, тихо сказала она Надежде, чтобы не слышала Мари Жо.

– А у нас селедка не такая, здесь лучша, – сказала Аня, накалывая кусочек. – Я, когда в деревне жила, селедку очень любила. Мы в город, за ней ездили. До станции пешком, а потом на поезде час до Курска. Весело было, как праздник, тожа всего напекут, наготовят. Огурчики, капуста, сало. Это до войны. Мы до войны хорошо жили. В буфете всего полно. И самогон делали. Много!

– Пробуйте рыбку под маринадом, и холодец, очень вкусный. Не знаю, может, вам не понравится... угощала мама.

– Мам, прекрати, холодец идеальный, – сказала тихо Лариса.

– А вот пирожки, пробуйте пробуйте, – старалась угодить гостям мама. – И с капусткой, и с мясом, и с джемом... А этот салатик из кальмаров наш Витя делал. У вас такого нет! – улыбнулась мама. – Нравится?

И Мари Жо, и Аня, и маленький Патрик наворачивали все, накладывая то винегрет, то салат оливье, то селедочку с картошкой. Завершив блюдо, они отламывали кусочек хлеба и вытирали им до блеска тарелку, отправляя этот кусочек в рот.

Ларису передернуло от таких действий. И почти что, чуть не вырвало.

– Требовать для мягкой котлеты нож, и вылизывать оставшийся соус! – это было не понятно, и для Москвы не совсем прилично...

Танцы в концлагере

– А сейчас как вы живете? – спросила Надежда. У вас квартира или свой домик?

– У меня большая хата, – похвалилась Аня. – И у каждого сына большой дом и земля. И огород, и гуси, и куры, и огурчики. Мы тожа солим корнишон. У меня много банок в погребе. Мой мужик в саду работает и в огороде. Всего полно.

– Это не Париж! – вздохнула про себя Лариса. – Огород, гуси...

– Аня, а что, никого у тебя здесь не осталось? – сочувственно спросила Надя.

– Действительно, – подумала Лариса, почему она не пробует поехать в свою деревню, там наверняка остались родственники. За неделю в Москве, можно съездить и туда, и сюда. И переписываться тоже можно было бы. Боятся бедных родственников? Наверное, – решила она.

– Може, и есть кто, – уклончиво сказала Аня. – Я писала после войны домой. Мне сестра отвечала. А потом нет. Но, я и писать не стала. А хочется посмотреть еще раз на деревню, на родных, и боюсь. Жалко. Ведь если кто и остался, то меня уже не знают. Теперь я уж старая.

– Мама моя умерла еще до войны. Мне тогда годика два было. Отец быстро женился, – махнула она рукой, у него потом еще дети были. А меня тетка взяла. Так я с ней до войны и прожила. А потом и тетка умерла. Потом немцы пришли, собрали всех на площади, и прямо с площади угнали в Германию. Мы думали, что по дорожке, може убьют. Но, нет! Привезли на фабрику.

– Страшно было? – спросила Надя. – Я один раз немца тоже видела. Тогда, нас из школы послали копать окопы, под Москвой. Это было в сорок первом. А тут, самолет немецкий, низко пролетел над нами, так, что даже лицо летчика было видно. У нас девочка была, Роза, так он в нее стрелял. Убил! Хорошая девочка была. Жалко!

– Страшно, – махнула головой Аня. – Работали много. Есть давали мало. «Арбайтен, арбайтен, ни хт ессен!» – Аня сделала возмущенное лицо, надула щеки и сказала, – уф. Это был чисто французский жест надувать щеки и говорить уф, потому что и Мари-Жо делала также.

Аня разговаривала, путая французскую и русскую речь. И ей это нравилось. Она смеялась, когда к своим родным обращалась по-русски, а к друзьям по-французски. Она махала рукой и смеялась, – опять запуталась! Это было забавно.

– А с мужем вы где познакомились? – спросила Надя.

– А с мужем мы в лагере познакомились. На фабрику. Нам второй хозяин разрешал и в кино, и на танцы ходить. А мы молодые, повеселиться охота. Вот там мы с ним и познакомились. Там французы тоже работали.

– Кино, танцы?! – это было откровением для Ларисы и Виктора. Они представляли Аню в полосатом костюме, за колючей проволокой, изможденную и усталую. Таковую, что падает после тяжелой работы на деревянные нары как есть. без души, без переодевания. И вдруг танцы, кино!

– А потом Арно там родился, – продолжила Аня. Хорошенький, беленький, кудрявенький. Его все любили. Кто чего принесет. Кроватку ему сделали. Баловали его там. А потом уж, нас освободили американцы.

– Как американец? – подумала Лариса и переглянулась с Виктором. – Это мы вас освободили, – хотелось возразить Ларисе, но она сдержалась. – «Американец», – передразнила она в душе Аню. Сколько мы их просили открыть второй фронт?! А они, дождались, когда мы немцев разобьем, только тогда и вступили в войну. А теперь все лавры им?! А русские, вроде, и ни при чем?!

Это было возмущение, которое так и рвалось наружу. Но, вступить в спор Лариса не решилась, да и разговор с Аней получался какой-то короткий. Аня ни о чем не спрашивала, не интересовалась, она просто односложно отвечала на вопросы. Фразами, которые, казалось, она заучила и никогда не меняла.

– Это не было разговором двух русских, – только сейчас поняла Лариса. – Ни охов, ни поддакивания, ни удивления, ни сочувствия. Ей, как будто, не было интересно ничего, что произошло на Родине во время ее отсутствия, да и сегодняшние дни ее не очень интересовали.

– С нашей стороны это было, а с ее? Могла бы и поинтереснее рассказать, как согноли, как везли, что есть давали, как вообще там в лагере было. Это было бы логично, ведь не каждый день она разговаривала о своей жизни с соотечественниками. А за прошедшие с войны тридцать с лишним лет, накопилось столько и в душе, и в голове.

Казалось, что Аня старая, и поэтому, не может рассуждать и хорошо излагать. Но ей было всего 55. Это была вполне еще молодая женщина. Это несоответствие немного путало Ларису, не давая ответа.

– Сначала, отправили домой французов, – продолжала Аня. Мой муж мне дал свой адрес и сказал: «Хочешь, езжай со мной, хочешь, домой»

– Куда я с ребенком, без мужа? – Лучша, я с тобой поеду, – Но, русских еще не сразу отпустили. Их отпустили в сорок четвертом, а нас в сорок пятом, когда русские пришли. Арно уже годик был, – махнула она рукой.

– Сейчас уж мне не страшно. А сначала, уф! – надула она щеки. – Ничего не знала, говорить не умела. А свекровь заставляет делать, а я не умею. Потихоньку, потихоньку научилась. Так надо сказать ложка, а так вилка, так фасолики варить, так салат мыть... Люди там не все хорошие, – снова шепнула она Наде.

Аня покраснела от приема, от теплых слов, от сочувствия и одобрения. Ей и самой хотелось доказать себе, что все у нее хорошо, и сделала она правильно оставшись во Франс. Так показалось Ларисе.

Надежда спрашивала Аню о жизни. Виктор развлекал Мари-Жо, он показывал ей коллекцию почтовых марок и вид из лоджии, а Мари—Жо с удовольствием принимала его компанию. Патрик играл с девочками.

– А я-то недооценивала своего мужа! – подумала Лариса, моя тарелки на кухне, глядя, как кокетничает с ним Мари-Жо.

Пятерка таксисту

День прошел. Наступил вечер. Ехать до гостиницы вечером иностранцам было сложно. Метро в то время еще не построили рядом с домом. Его открытие намечалось на 1985 год. А сейчас был всего лишь 1978! До старого метро было далеко, а объяснить иностранцам, все пересадки и перебежки было сложно. Оставался один выход – такси.

Виктор поймал на улице частника, и французские гости, расцеловавшись с хозяевами, весело махая на прощанье из окошек автомобиля, поехали в Метрополь. А последняя, оставшаяся от расходов пятерка, отданная шоферу, составляющая двухдневный бюджет семьи, вошла в дополнительные расходы по приему. Но, всем в тот день все было нипочем. Все были очень рады встрече, и расстались, почти родственниками.

– Вы тоже к нам приезжайте, – помахала на прощанье рукой Аня, затащив в багажник автомобиля все те же сумки. Только теперь, набитые, русскими сувенирами.

– Приедем, – скорее для вежливости, ответила Лариса, понимая, что пока что это не по карману, да еще проблемы с визой, о которой Аня не успела ничего сказать. Но, приглашение ее порадовало. В тот момент это было самое главное. Дружба закрепилась, и приглашение получено, пусть и на словах.

Машина исчезла за поворотом, а Виктор, Лариса и Надежда облегченно вздохнув, после недельной кутерьмы по подготовке к приему, поднялись на свой девятый этаж. Испытание они выдержали на все сто!

Галстук ядовито-зеленого цвета

– А что мне полагается? – спросила мама, разглядывая кучу барахла, когда гости уехали. – Я из этого, и этого скомбинирую себе платье, – взяла она в руки маленькие куски ткани. А из этих кусочков сошьем платья девочкам.

Вещи пахли химчисткой, и не были предназначены ни кому из семьи лично. Они были разные по размеру, и только немногие можно было одеть на себя сразу.

– Давай, это подарим тете Вере, а это отдадим моей подруге, – предложила Лариса. Вот это платье мне подойдет! Ура! Ой, а на нем пятно! – разочаровалась она. – А это тоже ничего!

Только маловато... И вот это в самый раз! И кофточка симпатичная, летучая мыш! И кусочек кримпленчика! Ура, а я сразу не заметила. А вот колготки, как нельзя кстати. Розовые и белые! И, главное, новые! И в самый раз девчонкам! – обрадовалась она, примерив их дочкам. – Здесь была и выношенная пижама, и недошитая юбка в клетку, какие-то тапочки... Для мужа там не было ничего.

– Я бы такое не повезла никогда! – подумала она. – Стыдно! Брать, и то стыдно! А мы стеснялись, что не сможем их принять по достоинству, и боялись, что подарков будет мало... Носились по Арбату... Выгадывали, чтобы никого не забыть и всем послать подарок. А они, видно, не очень переживали, собрали старье и подарили его нам! – усмехнулась Лариса.

– А мне подарили вот такой галстучек, – Витька в шутку завязывал на себе галстук ядовито-зеленого цвета, который нельзя было одеть в приличное общество, и театрально крутился около зеркала.

– Вить, сколько мы с тобой сэкономили, – постаралась сгладить теперь уже еще более ощутимые расходы Лариса. Ведь, столько одежды мы бы никогда не купили. Пятна попробуем отстирать, дырочки зашить, но, цвет красивый, ткань и фасон интересные. Таких вещей у нас, все равно, не купишь. Буду воображать. Никто и не догадается, что они старые. И колготок Светке с Люсиком на год хватит. А эти джинсы, можно будет кому-нибудь продать, тогда проживем до полочки! Но, кому? И лучше, если бы они были тебе как раз, но они очень большие! – приложила Лариса джинсы к мужу.

– А сколько мы с тобой истратили, – шутливо закатил глаза к небу Виктор и поправил зеленый галстук. – Твои французы обошлись нам в нашу общую месячную зарплату.

– Да ладно, Вить, – успокоила мама. – Я вам помогу. Вот полочку получу и еще денег дам. И вы мне ничего не возвращайте. Проживем! А Аня хорошая женщина, что смогла, то и привезла. Дареному коню, как говорится, в зубы не смотрят. Это нам кажется, что им там легко живется.

– Наши люди в булочную на такси не ездят! – засмеялись вместе Лариса и Виктор, подразумевая и отель высокого уровня, и саму поездку, которую совершала Аня. И не одна! А с внуком и снохой! И не первый раз!

Роковая ошибка

– Где мы летим? – подумала Лариса, стараясь по времени рассчитать расстояние. Внизу были облака сплошным слоем, и понять где и над чем пролетал самолет, было не возможно.

– Вы будете курицу, рыбу или мясо? – спросила стюардесса, подъехав с коробками обедов.

– Дайте рыбку и томатный сок, – попросила Лариса. Обед успокаивал, и сокращал время полета. Но, теперь Ларисе хотелось вспомнить все до конца, до того самого момента, как она, наконец, смогла полететь во Францию. А пока ее воспоминания тянули только наполовину. Она хотела уложить все в голове по-порядку, вспомнить все лица, и еще представить, как все будет во время ее приезда, чтобы потом сравнить.

– Да, еще потренируйся во французском, – посоветовал ей внутренний голос. – Достань книжечку – переводчик.

– Ой! А я ее засунула в чемодан! – вспомнила, с сожалением, Лариса. Она повторила несколько запомнившихся фраз, пока ела обед. – Же манж, – произнесла она. – Это значит, я ем. Бонжур мез ами⁴, Коман тале ву?⁵ – Кое-что помню! – обрадовалась она. А когда с обедом было покончено, она снова облокотилась на спинку кресла и стала вспоминать.

⁴ Здравствуйтее, мои друзья

⁵ Как у вас дела?

– И так, на чем я закончила? – задала она сама себе вопрос.

– *На том, как вы смеялись на эту кучу баракла.*

– Мы не смеялись, а удивлялись. Как это богатые французы, жители капиталистической страны, где всего полно, где скидки и распродажи, где у всех машины и дома, не догадались привезти подарки из магазина, хотя бы для детей?! И, конечно, нам было смешно на наши подвиги. Ухнуть за один день две месячные зарплаты! А потом выгадывать рубль на обед!

– *Не надо было!* – воскликнул внутренний голос. – Хватило бы и чая с тортиком.

– Но, по-другому мы не могли. Хотелось сделать им приятное. Все-таки, приехали раз в жизни, и мы могли их больше не увидеть! Да и цены были такие, пальто купить – два месяца работать. Сапоги – еще месяц работы. Также и с сувенирами. Но, это были наши проблемы. Куда денешься. Да, и подумаешь, время прошло, мы стали жить лучше. Черт с ними с деньгами! – махнула рукой Лариса. Зато, Аня нас любит. У нее сложился рефлекс, как ты скажешь, видеть в нас приятное, потому что мы делали для нее только хорошее.

Вот теперь, зато, я могу поехать к ней в гости! По путевке дорого и не интересно. Интересно пожить среди них! Так что, – не имей сто рублей, а имей сто друзей, – как говорила моя мама. Вот и я поменяла рубли на друзей.

– *Может и так, – вздохнул внутренний голос. А ты знаешь, мне очень жалко, что за эти 20 лет ее приездов, вы отдали ей все ваши свадебные подарки, и то, что вам дарила твоя мама, или свекровь. И то, что вы себе сами интересного покупали. Это же был кусочек вашей жизни. То, что было нужно вам самим, в конце концов! Тогда, может быть, это было не так прискорбно, а вот сейчас понятно еще больше и, даже, больше. Мама нет, и Витьки нет, и никто больше тебе эти подарки не подарит. Ты помнишь, как он старался и искал для тебя янтарные бусы? А мама, как она доставала хрустальные сапожки, и радовалась, что подарила их вам. А свекровь? Этот набор чайников с петухами, это же была красота, и слишком хороший жест для нее. А самовар с головой и ножками петуха?! Это была редкость. Мама подарила. Это все была память о них!*

– Да! – вздохнула Лариса, – жалко, конечно. Но это был единственный выход, уменьшить расходы на встречи французов. По-другому, мы бы не потянули. Нельзя же было все время отказываться от поездки на море, или отдавать долги ради них?! Проще было отдать свое.

Ранний визит

И снова прошел год.

– Слава Богу, можно поваляться, – подумала Лариса, проснувшись утром. Было восемь утра. Она включила телевизор, и, устроившись поудобнее, стала смотреть его лежа.

Была суббота, и Лариса могла немного полежать утром перед последним рывком, который предполагал капитальную уборку квартиры, приведение в порядок кухни, стирку и поход в магазин. Готовка, глажка... да мало ли еще чего, что сразу и в голову не придет. Проще, ее ждал ежесубботный подвиг. Так было каждый раз. Отработать в субботу и отдыхать в воскресенье, было ее правилом. После рабочей недели, надо было сделать еще один рывок. А вставать не хотелось! Поэтому, она оттягивала этот момент, глядя с кровати телевизор.

В углу стояли коробки подарков, приобретенных для Ани, которая сообщила, что собирается приехать, а когда, еще не сказала.

– Отдыхай Ларсенок, отдыхай, – покладисто сказал муж, а я пока тоже посплю часика два, а потом встану. Муж отвернулся к стене, он только что пришел с ночной смены.

– Кто это? – Лариса услышала звонок в дверь и удивленно посмотрела на мужа. Было еще очень рано, около девяти часов. – А! Это, наверное, телеграмма от Ани! – спохватилась Лариса. Она накинула халат и выглянула в дверь, чтобы попросить почтальона, немного подождать.

За дверью стояло трое! Аня, мужчина лет тридцати пяти и женщина такого же возраста. – Аня! – поперхнулась Лариса, ужасаясь на свой вид с бигуди, и наскоро одетый халат. Но, больше всего, ее привело в отчаяние то, что квартира еще не была приготовлена для приема гостей, так же, как и званый обед, который намечалось сделать, после звонка или телеграммы Ани.

– Ой, подождите немного, одну минуту! – просяще посмотрела она на французских гостей, показывая на свой вид. – Боже, кошмар! – пронеслось у Ларисы в голове, внутри похолодело и все куда-то опустилось. Потом обдало жаром. И все обвинения предназначенные Ане, в таком раннем визите без предупреждения, остались за стеной тех проблем, которые нужно было решить в два приема.

– Аврал! – зашептала она Виктору. – Французы приехали. Я одеваюсь, а ты буди девчонок и собери раскиданные вещи, скомандовала она. – Подождите еще минуту, – попросила она гостей, выглянув в дверь.

– Уф! – недовольно надула щеки Аня. А мужчина и женщина стояли стойко как солдаты.

Ларисе стало еще больше не по себе. Но, через пять минут гости вошли в дом, и с удовольствием сели на диван.

– Уф, – сказала недовольно Аня. – Мы уже хотели уходить!

– Аня, я не знала, что вы придете сейчас. Мы бы подготовились. А так пока оделись, пока кое-что убрали. Садитесь, садитесь, – оправдывалась Лариса, в душе удивляясь, на такую бестактность друзей.

Комната была чистая. На кухне экстренно шли косметические работы, чайник кипел, гости отдыхали и осматривали гостиную, все были при деле.

Вареники и кaviар

– Это Арно, мой старший, а это Николь его жинка, а это Александр, брат Патрика. Патрик хотел ехать, но я сказала, теперь Алекс, пусть тожа посмотрит Россию, – объявила Аня, уже спокойно пившая чай. А у вас нет вареники? – спросила она, отхлебывая из чашечки и закусывая тортиком.

– Вареники?! – задумалась Лариса, стараясь понять сказанное. – Есть, сейчас принесу. Она была рада, что у нее в столе стояла баночка с черносмородиновым вареньем.

– Нет! – замахала руками Аня. – Нет! Вареники с творогом, с вишнями...

– Вареники!?! – обалдело посмотрела на нее Лариса. – Но, их надо делать заранее. Это долго!

– А Николь все быстро делает! – констатировала важно Аня. – Но, ладно, не обязательно.

Лариса списала эту глупую претензию на старость Ани.

– В девять утра, уловить по воздуху, что придет Аня с родственниками и попросит вареники с вишней, на которую уже сезон прошел, это было из области фантастики.

– Какой красивый мальчик! Черненький, и совсем не похож на Патрика, – подумала Лариса, глядя на Александра. – Хорошенький, как с картинки. По письмам, Лариса знала, что Патрик и Александр братья. Их родители Серж и Мари-Жо.

– Он живет с Арно и Николь у Пари. Они все и для него. Он одевает только Найк, – гордо сказала Аня.

– Странно, подумала Лариса. – Патрик живет с бабушкой, Александр живет с Арно, а их мама Мари Жо и Серж? С родителями почему они не живут?

Мальчик был одет в очень модную одежду фирмы «Найк», и кроссовки были тоже такой фирмы.

– Арно работает полис, жандарм. Они живут пять км. От Пари. Но, скоро будут покупать хату в Домбаль. Николь секретарь в очень большой фирме. А я утром встала, сказала, поедем к Ларисе, – сказала Аня, опустив свой носик в чашечку кофе и снова вытянув его.

– В Париже, – улыбнулась восхищенно Лариса. – Как интересно!

Николь расстегнула сумочку и вытащила оттуда кучу шариковых ручек, блокнотиков и заколочек. Даже парочку сережек и шоколадку и жвачки! Это был восторг для девчонок, и Лариса вздохнула с облегчением. Ей хотелось, чтобы дети порадовались. И теперь они разглядывали все эти сокровища и, наверное, вспоминали ту свою песенку, которую пели год назад. Ляляля, к нам едут французы....

Виктору Николь протянула красивую коробку с коньяком «Наполеон»! Это уже был верх щедрости. Коньяк «Наполеон» – звучало, как недоступно киношное понятие. Не из их жизни.

Лариса посмотрела на мужчину. Он сидел с ровной спиной. Монументальный, крепкий и очень красиво одетый. Костюм сидел на нем как влитой, и в этот момент он показался Ларисе похожим на Фантомаса. Мужчина был не многословен, в отличие от женщины, которая постоянно что-то говорила на французском, и, даже, старалась вставить слово на русском.

Женщина была не только полной, но очень крепкой, с широкой фигурой, тяжелыми руками и ногами. Но, при этом на ней была надета шифоновая красная юбка, висящая отдельными клоками, и черная кофточка. Огромные круглые серьги висели на ушах, и вместе с темными волосами, яркой одеждой и активной манерой поведения придавали ей очень respectable, уверенный и умный вид. И ее полнота не закрывала все ее остальные достоинства. При этом она очень внимательно следила за словами и жестами своей свекрови, и очень быстро шла ей или на помощь, или поддакивала, поддерживая разговор Ани. Она была подвижна и с юмором. Потому что, часто улыбалась и делала интересные жесты, чтобы можно было понять о чем говорят на разных языках. Николь очаровала Ларису.

– У вас это Москва? – спросила Николь.

– Конечно, Москва. Мы еще не на окраине. За нами Орехово, Бирюлево, – Лариса показала на дома, которые были видны из окна.

– А у нас это была бы не Москва. У нас это был бы другой город, – усмехнулась Николь.

– Мама, можно мы Александру нашу школу покажем? – спросили дочки.

– Погуляйте, только далеко не уходите. Я на вас из окошка буду смотреть, – разрешила Лариса.

– Не страшно? – спросила Аня.

– Нет, у нас спокойно, – ответил Виктор, и пошел посмотреть, как дети выйдут из дома и как перейдут небольшую проезжую часть.

– Мы сегодня не взяли все сумки, потому что не знали дома вы или нет, – сообщила Аня, сделав маленький глоток кофе. И потом, нам надо в ресторан, обедать.

– Аня, давай встретимся завтра, постаралась побыстрее предложить Лариса. Мама приедет, Витька не будет работать. Я приготовлю что-нибудь. А то, так неудобно. У меня сегодня ничего нет. Нечем вас угостить, – извиняющимся тоном объяснила она.

– Нам ничего и не нужно! – замахала руками Аня. – У нас обед хороший, в ресторан. Не беспокойся. Мы завтра приедем еще. Вот только вы не можете нам купить кавер, – посмотрела на Ларису Аня.

– Кавер?! – слова застряли в горле у Ларисы. А... какой вы ковер хотите... – у нее все сникло, представив, что к завтрашнему дню денег на ковер она не достанет, а если и достанет, то будет расплачиваться за него два месяца. Не «пимши не емши», – усмехнулась она этим шутивным словам.

– Кавер! Она очень вкусная, ты разве не ела? – надменно – снисходительно удивилась Аня.

Лариса, каким-то десятым чувством, вспомнила этикетку икры, на которой было написано кавиар, и облегченно вздохнула, – ах икру!

– Конечно, ела ее. И, даже, в детстве, у нас на подоконнике стояла трехлитровая банка с черной икрой. И такая же с красной. Но, я ее и не любила вовсе! Мама говорила, что это полезно и все!

– Икру, икру! – заулыбалась Аня. – Мы не можем купить. Вы нам не купите?

– Попробуем, – неопределенно ответила Лариса, просчитав все возможности такого приобретения за сегодняшний день. Был один человек, который это мог, но это стоило в два раза дороже, чем в магазине.

– Ну, как Алекс, понравилось тебе гулять? – спросила Аня, когда девочки вернулись с ним с прогулки.

– Здесь столько много деревьев на улице, – сказал восхищенно Алекс.

– А у вас не так? – спросила Лариса.

– Нет, у нас только дома и асфальт... – ответил Алекс через перевод бабушки.

– Ну, конечно! – вспомнила Лариса фотографию города. – Трубы и горы шлака. И ее взяла гордость за их красивый и огромный город Москву и за их улицу Севанская, которая вся была в зелени, а в скверах даже зрели яблоки и груши, оставшиеся от старых садов.

– Ну, до завтра?! – вопросительным тоном сказала Аня, расцеловываясь перед тем, как сесть в такси, подогащенное Виктором. И такси снова растаяло за углом вместе с сунутыми таксисту пятью рублями.

Красная икра

Вот это почти новое, вот это я себе раньше шила, это новое... – говорила Аня, перебирая вещи и выкладывая их кучей на диван, приехав с сумками на следующий день.

Николь сидела и одобрительно посматривала на все это, а Арно стоял поодаль с хозяйским видом. И не понятно было, этот взгляд был брезгливый. Или, наоборот, оценивающий.

Для Ларисы все эти старые вещи не имели актуальности. Ей не хватало красивых современных вещей, ведь она была еще очень молода, и конечно, ей хотелось красиво одеться. Но, обидеть Аню она не могла. Она увидела, как в выросшей куче, мелькнула та самая, розовая, плиссированная юбка, и та самая, вышитая кофточка, в которой она увидела Аню первый раз. Она постаралась, как можно вежливее, повосхищаться подарками. И отнесла их в другую комнату.

– А это вам, – сказала она, внеся в гостиную коробки с сувенирами. Это специально для Патрика, а это для Мари – Жо. А вот это вашему мужу.

– Этот самовар, я возьму себе, эти янтарные бусики тоже, это тебе... – протянула она сувенир Николь, разглядывая подарки. – А это что? – спросила она, держа банку красной икры.

– Это красная икра! – радостно ответила Лариса.

– Красная!? Нет, это мне не надо, я люблю черную, – сморщила носик Аня. – Это я отдам Ивет, Она ест.

– Ивет? Это кто? – подумала Лариса, удивляясь на такую легкомысленную фразу Ани.

За эту икру Лариса заплатила в два раза дороже и выложила еще кучу сил для возможности достать ее. И ее семье эта икра могла бы пригодиться, но, – Ивет отдам, – звучало не прилично, и не вежливо. Для Ивет она не стала бы так надирать. Ивет съест! Икру многие бы хотели съесть!

Конечно, Лариса сдержала все свои рассуждения и обвинения в душе. Она только густо покраснела. Ей было стыдно и неприятно. Аня не понимала, какой ценой ей досталась и эта – красная, и не понимала, сколько стоит черная! И какой это дефицит! Аня ничего не понимала, или просто не хотела понимать?! Лариса не могла сразу подобрать слово, которым можно было

обозначить эту особенность Ани. В принципе это называлось «профит». В голове у нее первый раз шевельнулось чувство протеста. Но, вместе с этим, она, вдруг, почувствовала себя на высоте. Они, «бедные русские» были гораздо щедрее, внимательнее, и тактичнее этих богатых французов из страны, в которой есть все! И последняя фраза Ани это только подтвердила.

– Черная очень дорогая, и ее совсем, сложно достать. Может быть в следующий раз... – только сказала Лариса.

– Ну, – подняла носик Аня. Можя, в другой раз! Мы еще в декабре приедем.

– Садитесь, а то с голоду умрете, – сказала мама, – приглашая гостей к столу.

– И что, если мы будем приходить, вы всегда будете нас кормить? – удивилась Николь, с аппетитом принимаясь за еду.

Аппетит у французов был отменный. Алекс не сопротивлялся, как сделали бы это наши дети, съев кусочек и вылезая из-за стола под упреки мамы. Он кушал наравне со взрослыми.

– Да. У нас гостей всегда за стол сажают, – ответила мама.

– Все из буфета, кто придет – все на стол, – подтвердила Аня, вспомнив старые времена. – Приезжайте к нам во Франс. Мы тожа вас угостим. Будете есть, что хотите. У нас гуся, утки. Огурчики. Все есть. И в магазин всего полно.

Лариса представила дом Ани, и вкусный обед с гусем... и облизнулась в душе. Гусь был ее мечтой. Она прямо представила кусочек тушеного гуся с его жирной кожей с пупырышками и капусткой рядом. Здесь в магазинах были куры и утки. С гусями было сложнее.

– У нас в отеле, женщины, которые убираются в комнатах, просят вещи и франки, – сказала Аня. Хотите, мы вам тожа франков дадим? – спросила Аня достав 250 франков... Это было равно 25 рублям.

– Нет, нет! – замахала руками Лариса. В отеле это спекулянты и фарцовщики. Если их заметят, посадят, – но Аня не поняла ее слов.

Ларисе после этих фраз, про женщин, выпрашивающих ремень и ботинки у Арно, кофточку у Николь, и про Березку, в которую «не пускают русских», стало очень неприятно. Она чувствовала, что эти рассказы доставляли французам удовольствие. И Лариса представила, как они будут все это рассказывать, когда вернутся во Францию.

– А кто икру просил? А кто поношенные вещи в подарок?! – вставил свои пять копеек внутренний голос. – Русские нищие! Вещи просят! Так что же вы, такие богатые, на молодую семью повесили свои проблемы? Икру вам купи, да не одну, а баночек пять! Чернай! – передразнил внутренний голос Аню. – Вы что, не видите, как вас здесь принимают, как на вас выкладываются? Дарят вам дорогие сувениры, которые в десять раз дороже и ваших 250 франков, и вашего старого ремня с ботинками. И ничего с вас не просят! А могли бы, как вы!

– Привезите нам пять бутылочек Наполеона, парочку сапог и несколько новых кофточек... – снова проиронизировал внутренний голос. – И было бы в самый раз.

Ах, вот он кто Антон – Арно

Лариса постаралась неопределенно улыбнуться и перевела взгляд на Николь, которая с аппетитом закурила сигарету... – Счастливая. Никаких проблем! Наверное, не думает, что ей купить сначала, стол в квартиру или себе туфли, – подумала Лариса. Она посмотрела на Арно, который бросил в чашку с чаем какую-то таблетку, и решила, что он боится заболеть, и это специальная таблетка, для России, как обеззараживатель. Ей стало смешно, его вид Фантомаса не вязался с такой предосторожностью. На секунду она представила себя на месте Николь.

Она ехала в автомобиле с мужем, одетым в форму жандарма, на ней красивое платье... а сбоку море и горы, и солнце!

– Да это картинка из того фильма! – вдруг вспомнила она. А еще?! Лариса вдруг вспомнила свой сон, тот сон в ночь перед Рождеством, когда и она и все ее подружки решили загадать на жениха.

Ей было всего шестнадцать. Сон разочаровал ее. Потому что в нем

Она бежала и бежала по темной, московской улице, освещенной только светом витрин. Она, казалось, убежала от чего-то, хотя не боялась этого, но вернее не хотела. Она убежала, и путь ее лежал в темноту, в которой горел уличный фонарь и все. Ей стало немного страшно, потому что, цивилизация центральной улицы с магазинами кончалась, и начинался, возможно, сквер, или другая улочка. Она уже почти испугалась, но увидела, что на пути у нее стоит мужчина. Это был человек в форме милиции. У него были светлые волосы и усы. Лицо мужчины не вызвало в ней никакого интереса, потому что не было похоже на тот тип, который был ей мил тогда. Но, она обрадовалась ему, как спасению.

Проснувшись, Лариса даже расстроилась, потому что, поняла, что сон не очень положительный. Почему она убежала, от чего? И почему ночью? Но, в нем было и хорошее. Впереди надежда на спасение – мужчина в форме, большой город! Она помнила его лицо, не знакомое, и потому запомнившееся ей не мелочами, а, в общем. Мужчина, даже сказал ей свое имя. Его звали, кажется, Антон!

Теперь этот мужчина сидел в ее доме! Он был жандарм. У него были светлые волосы и усы. И его лицо не вызывало в ней никакого интереса, как к потенциальному любовнику. Он не был в ее вкусе. Только фигура, подтянутая, с широкими плечами, жестким торсом и крепкой шеей, произвели на нее впечатление. Ну и, конечно то, что это был француз, придавало ему шарма. В нем была спокойная сила и уверенность. И, звали его Арно! Это, почти что, Антон! Возможно, она во сне слышала именно это имя?! А потом перепутала?! Но, на помощника и спасителя, каким он был во сне, он не был похож, потому что совершенно не реагировал на Ларису.

– Там была ночь. Это уже ближе к концу жизни, это, наверное, его пятьдесят, а не тридцать! Так что, время еще есть. Что же изменится? Что он будет моим спасителем? Сейчас я для него ноль.

Она смотрела на него украдкой и удивлялась своему открытию, которое впрочем, она пока еще приписала своей фантазии.

Арно сидел молча, не сближаясь с Ларисой, ни каким образом. Он словно только исполнял обязанность, сопровождения матери в чужой дом, и не ждал от этого ничего, чтобы его могло заинтересовать. Она попробовала заговорить с Арно, но он отвечал без интереса продолжить разговор. Но, Лариса попробовала объяснить это присутствием здесь жены и матери, и его скромностью. Потому что, до сих пор с таким равнодушием к своей персоне она не встречалась. Это было даже не вежливо. Быть в доме, есть, пить и, не обратить внимание на хозяйку, не улыбнуться ей, не сказать парочку дежурных фраз. Это было бы нормально, и совершенно ни к чему не обязывало.

– Николь, ты похожа на Аллу Пугачеву. Мам, правда? – попросила поддержки Лариса, отгоняя от себя эти неприятные и, немного корыстные, мысли.

– Да. Такая же красивая. И волосы густые, – подтвердила мама.

– Что такое Алла? – спросила Николь на русском.

– Это наша певица. Ее все знают, и часто показывают по телевизору.

– А! Мне уже говорить. На улице, – сказала Николь.

– Ну вот! – обрадовалась Лариса. Если по телевизору покажут, то ты увидишь. Запомни Алла Пу-га-че-ва, попробовала напомнить Николь Лариса.

Но, ни Николь, ни Аня, так и не поняли про кого шла речь. Они знали только своих и американских певцов. А русских! И не запомнили. И эта лесть не тронула Николь.

Лариса в душе немного удивилась этому открытию. Потому что, она и сама была очень похожа на Аллу, такая же худая, такое же удлинненное лицо, впадины на щеках, такие же шикарные волосы. Это отмечали все. Подружки дочек удивлялись, что их маму сфотографировали на настенный календарь. Но, там был кадр из фильма «Женщину, которая поет». Николь была совсем другая. Широкая, с крупным лицом и узкими губами, но сходство между ними было!

– Если мы обе похожи, то Арно должна я нравиться тоже! Я еще лучше, у меня красивая фигура! – подумала Лариса, не столько потому, что ей понравился этот мужчина, сколько потому, что он не высказывал, ни малейшего интереса к ее особе. Она привыкла к вниманию со стороны мужчин. И это безразличие, граничащее с полным игнорированием, ее удивило.

Круглая дата

– Ой! – вздрогнула Лариса, от того, что самолет затрясло, как будто, вместо ровной дороги, он стал съезжать с горы посыпанной булыжниками. На табло появился сигнал – «пристегнуть ремни»

Лариса закрыла глаза и вцепилась в кресло.

– Что-то страшно! – подумала она, хотя остальные пассажиры сидели, как и прежде, продолжая заниматься своими делами. – Или, они так ловко скрывают свой страх? – подумала она.

Ларисе не понравилось, что, стюардессы, с лицами, как будто их застали врасплох, поспешно исчезли за занавесками и, сев на свои сидения, тоже приготовились к турбуленту. От этого ей стало совсем тошнехонько.

– *А ты вспомни про тот Новый год, – посоветовал ей внутренний голос. – Время и пройдет. Помнишь, как мы его представляли? Год прихода коммунизма! Смешно?*

– Хм, смешно! Ты тоже представляла? – удивилась Лариса. Я-то о нем думала еще в 60-м, когда нам на уроке объясняли про двадцатый съезд.

– *А я где была? С тобой, на уроке, – уверенно сказал внутренний голос. – Помнишь, как я еще возмущалась, что в тридцать лет он уже и не нужен будет!?*

– Не присваивай! – возмутилась Лариса. – Это я возмущалась.

В голове у нее пробежали две этих даты – 1960 и 1980, быстро, мелькая, как кадры пленки, где-то она мельтешила, и смазывала все, что было на ней, а где-то останавливалась. Иногда пленка прокручивалась назад, и в результате появилась объемная картина прошлого.

До нового года оставалось всего-то несколько часов. И это был не просто Новый год, наступал 1980!

– А что в нем особенного? – спросят некоторые, которые родились лет этак на тридцать позже. – Просто круглая дата?

– Нет! Это была не просто круглая дата, хотя все почему-то их любят.

– Сто лет прошло с момента, 50 лет, 10 лет? – отсчитывают историки, а чем хуже дата 24, 101, или 49? Ничем, просто в круглых датах стоит нолик, и почему-то, он играет роль.

Но, это был особенный год и особенный нолик. Потому что, наступал тот самый, восьмидесятый. Именно в 1980, по решению 20 съезда должен был начаться коммунизм! Так нам говорили на уроках в школе, и мы все вызубрили эту дату.

– Что такое коммунизм? – диктовала учительница Анна Ивановна, проходя между партами. – Это, когда, каждому по потребностям, а от каждого, по способностям.

Лариса сидела за партой, и, слушая Анну Ивановну, старалась понять, как это, каждому по потребностям?

– Это значит, что при коммунизме, будет все бесплатно. Бери, что хочешь! Но, общество от тебя ждет, что ты тоже отдашь ему и стране все что можешь, на что ты способен. Сильный,

здоровый – трудись. Маленький – учись на пятерки, а если болеешь, то тебя обязательно вылежат, потому что при коммунизме будет все самое лучшее и больницы, и школы и сами люди, – рассказывала Анна Ивановна.

– У всех будет все! И квартиры? – задала себе вопрос Лариса. Значит, при коммунизме, у всех будут квартиры с ванной и собственной кухней?! Здорово! Это сколько же домов надо будет построить? Но, тогда все будет просто, потому что и техника будет лучше, и производительность труда выше!

– А сколько же мне будет лет? Лариса посчитала, – я с 49-го, значит, в 80-м мне будет... У, – разочарованно вздохнула Лариса. Мне будет 31 год! Я уже буду старая! Зачем мне тогда будет нужен коммунизм?! Вот если бы сейчас! Я бы пошла в Детский мир, в Москве! Ой, и билет на автобус будет бесплатный? Езди сколько хочешь! И кофе с пирожным?! Захотел поесть, зашел в булочную и тебе все дали! Здорово! Я купила бы, в первую очередь, себе новую куклу, большую, с длинными волосами...

– Значит, все детство пройдет без коммунизма! А потом не интересно! И долго ждать! – разочарованно подумала Лорочка.

Лариса улыбнулась, вспомнив себя за первой партой, в которую была вмонтирована чернильница, и было место для ручки с перышком, которой можно было выловить из чернильницы остатки промокашки. Это называлось поймать рыбку. На ней была коричневая форма, черный фартук и красный галстук! И она была отличница!

Новый год 1980

– И вот прошло двадцать лет, и этот год пришел! – подумала Лариса, вспомнив, тот зимний вечер 31 декабря.

Пленка прошлого замелькала, замелькала...

– Как-то незаметно пробежало время! И вот уже восьмидесятый, а мне уже тридцать один год! – вздохнула она, закладывая в салатик «Оливье» зеленый горошек, и вспоминая себя за школьной партой.

До обещанного коммунизма оставалось только шесть часов. Лариса грустно улыбнулась.

– И квартиры пока не у всех! Например, мама с папой так и живут в коммуналке. Денег у нас с Витькой маловато! Все приходится рассчитывать и экономить. И получается, что в мои – тридцать один, коммунизм мне бы пригодился! Да еще как! Вот уж теперь, я бы знала, зачем мне лозунг «Каждому – по потребностям».

И квартиру обставить, и девчонок одеть, и розовую детскую для них с лошадками и огромной коробкой игрушек. А еще комнату с зимним садом! И каждый год на море! А куклы можно было бы купить для детей! Вон сейчас иностранные куклы, Барби. Но, дорогие какие! А им хочется!

И тридцать один, это же совсем мало! Я еще молодая и так хочется нарядиться!

В дверь позвонили, это была мама. Она вошла с сумкой полной продуктов.

– Сейчас разденусь и буду помогать! – весело сказала она, потирая руки, и стараясь согреться после мороза на улице. – Что мне делать?

– Попей сначала чаек! – предложила Лариса. Вон там тортик начатый есть. Бери, и я с тобой попью. А потом буду ставить тарелки. А ты полежи немного. Ты ведь после ночи!

– Правильно, чего ждать? Начнем! Сначала старый Новый год проводим, – сказала мама. – Я немножко поспала. Если сейчас лягу, то Новый год проспую. А где Витя?

– Витька должен уже вернуться. Я его за горошком и майонезом послала. На всякий случай, на завтра. И, может быть, что хорошенького еще увидит.

– А вот и Витя! – открыла дверь мама. Замерз?!

Виктор с красными щеками и инеем на шапке, вошел с двумя большими сетками.

– Ну как Вить, все купил? – спросила Лариса, забирая сумки.

– Все есть! В магазине никого! Даже окорок купил, и шампанское и любительской колбаски. Курицу на всякий случай прихватил. Не то, что днем! – радостно сообщил Виктор. – Курочка наша на весь подъезд пахнет!

Он прошел на кухню и открыл духовку

– Не повредит смазать сметанкой, – авторитетно заявил он, и чесночка подсыпем с перчиком. Теперь в самый раз.

– Мы с Витькой утром час в очереди в кассу в универсаме стояли! Теперь будем знать. Если идти, то вечером. Потому что, все уже сидят за столом, и на полках все лежит! – объяснила Лариса маме.

Несмотря на дефицит, и большие очереди за некоторыми продуктами, стол ломился. И холодец, и салатик оливье, и пирожки, и курица и много чего еще, что не умещалось на столе, и ждало своей очереди на кухонном столе. Лариса напекла печенья. Мама пирожков. Свекровь Анна Михайловна выставила на стол свои коронные угощения в виде рыбы в маринаде и хвороста, соленых опят и огурчиков, которые были мелкие и хрустящие.

– Когда мы сядем за стол? – спрашивали с нетерпением девочки. Им так хотелось скорее попробовать их любимый салатик оливье. И газировку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.